

Материалы по истории
чудотворной Феодоровской иконы
Божией Матери в XIX веке

От автора. В данной статье приводятся в хронологическом порядке материалы, извлеченные из различных источников (в том числе и впервые вводимые в научный оборот документы из архива Святейшего Синода, относящиеся к традиции ежегодного перенесения чудотворного образа Богородицы из Костромы в Галич), которые автор собирал для написания книги о Феодоровской иконе Царицы Небесной. Эта работа изначально не рассматривалась автором как исследовательская, но ее текст может быть полезен для тех, кто интересуется историей Костромы и ее главной святыни.

Все даты в тексте приводятся по старому стилю; сокращения раскрываются без дополнительных оговорок или (при их возможной неоднозначности) посредством квадратных скобок; пояснения автора выделены квадратными скобками. Цитирование производится преимущественно в согласии с современными нормами орфографии и пунктуации.

Почитание Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы, в XVIII столетии получившее всероссийский статус, в XIX веке обрело особые формы – как почитание семейной, родовой святыни царского Дома. Традиции, заложенные первоначальниками царственной династии и затем почти утраченные, в XIX веке возродились и приумножились; особая роль в этом, как мы увидим далее, принадлежала императору Николаю I, очень многое сделавшему для прославления Костромы как «колыбели Дома Романовых». Свои труды к чествованию чудотворного образа Царицы Небесной приложили и костромичи: духовенство, благотворители, ученые и литераторы, мастера различных ремесел, простые жители Костромской земли.

В 1805 году Феодоровская икона Богородицы украсилась драгоценной золотой ризой.

«До 1805 года на чудотворной иконе была серебропозлащенная риза с украшениями золотом и разными драгоценными камнями, а во дни праздничные икона украшалась накладной жемчужной ризой. В 1805 году икона была украшена ризой из чистого золота 92[-й] пробы и многими разными драгоценными камнями на средства, пожертвованные

гражданами. В ризе и венце золота было 20 фунтов и 39 золотников на 13 125 рублей, разных вещей и драгоценных камней на 9428 рублей, всего же она (без серебряного оклада вокруг всей иконы и серебряной ручки), с работой по укреплению драгоценных камней и вещей к чеканной ризе в 600 рублей, стоила 23 153 рубля» [1].

На окладе иконы была сделана надпись о том, что риза изготовлена «1805 года в царствование императора Александра I при епископе Евгение, тщанием костромских граждан при протоиерее Иакове Арсеньеве с братиею, мастера московского Трифона Добрякова» [2].

Упомянутый в надписи протоиерей Иаков Арсеньев – священнослужитель, церковные труды которого составили, можно сказать, целую эпоху в истории Успенского собора града Костромы. Иаков Арсеньевич Арсеньев родился в 1768 году в семье священника, в 1785 году окончил Костромскую духовную семинарию и стал в этой же духовной школе преподавателем, а затем префектом. В 1795 году он был рукоположен во священника к костромскому Успенскому собору, с 1797 года являлся соборным ключарем, с 1804 года и до кончины в 1848 году – соборным протоиереем; таким образом, священническое служение отца Иакова пред ликом чудотворной Феодоровской иконы продолжалось более полувека. Ему принадлежит честь составления первого описания Успенского собора, вышедшего из печати несколькими изданиями [3]. Заботы отца Иакова о благолепии любимого храма были разнообразными: так, протоиерей Павел Островский в 1855 году при описании окрестностей Успенского собора отмечал, что от Святых врат Костромского кремля до входа в собор «лежит путь между двумя огражденными балюстрадай красивыми садами, насажденными трудолюбивой рукой протоиерея собора Иакова Арсеньева» [4].

В 1810 году в каменном здании тюрьмы в городе Костроме («тюремном замке») была устроена домовая церковь в честь чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери.

Начало Отечественной войны 1812 года ознаменовалось всеохватывающим подъемом патриотических настроений в российском обществе. Сто лет спустя, по случаю празднования векового юбилея, И.В. Баженов напишет:

«Тогда все русские двинулись на защиту отечества, и нет сословия, которое не могло бы вспомнить в 1912 году высоких заслуг предков, воодушевленных одинаковой любовью к родине и готовых все принести ей в жертву. Ряды имен героев блещут среди народа священной памятью [18]12-го года. К ним присоединится бесчисленный ряд имен других людей, оставшихся неведомыми для потомства, но столь же геройски отдавших отечеству свое достояние, свои силы и свою жизнь» [5].

В августе 1812 года в Костромской губернии началось формирование ополчения для отправки на войну; ополчение должно было состоять из пяти полков – одного конного и четырех пехотных – общей численностью 11 тысяч ратников. 27 августа епископ Костромской и Галичский Сергей (Крылов-Платонов) вручил ополчению в благословение на воинский подвиг несколько икон-списков с чудотворного Феодоровского образа Пресвятой Богородицы

(видимо, по иконе для каждого полка). Один из этих списков впоследствии прославился как чудотворный.

«Замечательно, что святая икона, врученная костромскому ополчению 1812 года 27 августа преосвященным Сергием "в знак Божия благословения и в залог будущих над врагом побед", проявилась различными чудесами Смоленской епархии, Юхновского уезда в селе Дмитровце, в 1842 году переданная в бедную церковь этого села по духовному завещанию прихожанина г[-на] Баранова, зятя полковника Дункера, бывшего во время Отечественной войны начальником костромского батальона внутренней стражи» [6].

В 1815 году костромское ополчение (в составе которого имелось уже лишь 3600 ратников [7]) – охранявшее в 1813 году южные рубежи отечества, а затем принимавшее участие в заграничном походе русской армии – вернулось домой и было торжественно встречено костромичами. Знамена ополчения впоследствии внесли в Успенский собор Костромского кремля, где они затем хранились на протяжении многих десятилетий.

«В 1816 году стены Успенского храма украсились освященными хоругвями костромского ополчения "для незабвенной, – как сказано в указе Святейшего Синода, – памяти потомству эпохи прошедшей войны". На хоругвях изображены: с одной стороны вензель Его императорского величества государя императора Александра I, с другой – герб губернского города Костромы и 1812 год» [8].

Отметим, что триумфальное вступление русских войск в Париж, ознаменовавшее победу над Наполеоном, состоялось 19 марта 1814 года – ровно через 201 год после того дня, когда нареченный царь Михаил Феодорович, осеняемый благословением Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы, выехал из Ипатьевского монастыря в Москву. Дабы увековечить память об этих двух событиях, в XIX веке в Ипатьевской обители воздвигли храм во имя святых мучеников Хрисанфа и Дарии (празднование которым Церковь совершает 19 марта по старому стилю).

Костромской кремль – место пребывания чудотворной Феодоровской иконы Богородицы – во втором десятилетии XIX века сильно изменил свой вид, утратив характерные черты крепостного сооружения. В 1814 году с его валов были убраны старинные пушки, а затем начались преобразования территории кремля.

«Из стремления придать новый и благоустроенный вид городу Костроме преобразователи его [кремля – М.Ф.] наложили свою руку и на стоявшие незыблемо земляные валы или осыпи, которые составляли прежде необходимую и столь характерную черту древней крепости или кремля. Величественные валы, продолжавшие существование несомненно свыше четырех веков, в 1817–1818 годах срыты в уровень с площадью у триумфальных [то есть Святых – М.Ф.] и въезжих ворот Успенского собора. На месте прежнего вала с северо-восточной стороны по инициативе бывшего в Костроме гражданского губернатора К. Баумгартена разбит в 1819–1820 годах для общественного гулянья большой, прежде называемый английский, сад (ныне же городской бульвар) с разделанными аллеями и разнообразными деревьями. С юго-восточной стороны вал (к Нижней Дебре) несколько

сохранился и, несмотря на меньшую сравнительно с прежним временем длину и высоту, все-таки напоминает о своем древнем виде» [9].

В 1814 году состоялась реформа системы духовного образования: низшие классы семинарий были выделены в духовные училища. Созданное таким образом Костромское духовное училище разместилось в одном из соборных домов Костромского кремля.

«Собственно в семинарии (...) оставлены были классы: богословский, философский и риторический, низшие же классы отнесены к училищам. Без сомнения имея это в виду, преосвященный Сергей и приказал три высших класса Костромской семинарии поместить в Богоявленском монастыре, а низшие, из которых составилось Костромское духовное училище – в соборном доме» [10].

Здесь, в кремле, близ хранившего в своих стенах главную святыню Костромской земли Успенского собора, духовное училище располагалось до 1895 года – когда оно покинуло соборный дом и расположилось в новом, специально для него построенном здании на Павловской улице Костромы.

В XIX столетии установилась традиция посещения Костромы – «колыбели Дома Романовых» – российскими самодержцами, наследниками престола, великими князьями и княгинями. Первым таким визитом стал приезд в Кострому великого князя Михаила Павловича, младшего брата императора Александра I. Великий князь был тогда еще юношей (он родился в 1798 году), что позволило священнику Евтихию Вознесенскому в своем летописании визитов царственных особ в Кострому сравнить (в характерном для той эпохи стиле) высокого гостя с его предком:

«19 августа 1817 года было тем радостным днем в XIX столетии, в который Кострома узрела царственного внука великой императрицы Екатерины II, благоверного великого князя юного Михаила II, соименного своему царственному родоначальнику и в том же юношеском возрасте, в каком находился царь Михаил Феодорович в год своего воцарения. Успенский собор первый удостоился принять под своими вековыми сводами юнейшего из царственных детей императора Павла I и императрицы Марии Феодоровны. Ректор Костромской семинарии архимандрит Август имел счастье у Святых врат встретить Его высочество и приветствовать речью» [11].

Вслед за посещением Успенского собора и на следующий день, 20 августа, великий князь Михаил осматривал Ипатьевский монастырь. В сочинении отца Евтихия приводится интересный факт: при обсуждении необходимых ремонтных работ в обители великий князь предложил не торопиться с решением, а подождать приезда в Кострому императора. Следовательно, государь Александр Павлович также намеревался посетить «колыбель Дома Романовых», но этот визит в итоге так и не состоялся.

В 1819 году протоиерей Иаков Арсеньев составил краткое историческое описание Успенского собора; это сочинение было сначала напечатано в «Отечественных записках» за 1819 год, а в 1820 году вышло отдельным изданием в Санкт-Петербурге.

В 1834 году в Кострому приехал император Николай I, и это царское посещение стало, можно сказать, судьбоносным для древнего города на Волге и его святынь. 7 октября в пять часов вечера государь на лошадях прибыл из Ярославля в Ипатьевский монастырь, а утром 8 октября, приняв в обители депутации от сословий Костромской губернии, отправился в кремль. Среди встречавших самодержца у Успенского собора был и протоиерей Иаков Арсеньев, за восемь лет до того, 22 августа 1826 года, присутствовавший на коронации императора Николая I в Москве – «в звании депутата со стороны костромского духовенства, как первослужитель у чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, благословившей на царство родоначальника царственного Дома Романовых – царя Михаила Феодоровича» [12]. Вновь дадим слово отцу Евтихию Вознесенскому:

«В 10 часов государь, в одном экипаже с начальником губернии, запряженном парой лошадей, посетил костромской Успенский собор.

Пред Святыми соборными вратами государь был встречен преосвященным Павлом [епископом Костромским и Галичским Павлом (Подлипским) – М.Ф.] с чудотворным образом Пресвятой Богородицы Феодоровской, хоругвями, крестом и святой водой. По окроплении государь император изволил шествовать к собору по помосту, устланному белыми полотнами, в предшествии преосвященного, двух архимандритов, соборного и всего градского духовенства в белых парчовых ризах.

По выслушании в соборе молебного пения о здравии и благоденствии августейшего Дома, государь прикладывался к святым иконам Спасителя и чудотворной иконе Феодоровской, которой поднесенную преосвященным копию изволил принять и выслушать объяснение архипастыря о древности чудотворного образа и его чудотворениях и сказание о том, что сей святой образ был приносим в обитель Ипатия в день умоления царя Михаила Феодоровича и его матери на вступление на всероссийский престол. (...)

Оставляя собор, государь император не позволил преосвященному Павлу провожать Его величество. По выходе из соборной паперти государь был тесним множеством народа так, что не мог идти вперед. Это замедление было причиной того, что Его величество приказал подать экипаж к крыльцу соборной паперти» [13].

Утром 9 октября император Николай I покинул Кострому, продолжив свой путь по нижегородскому тракту через Кинешму в Нижний Новгород. Следствиями этого визита стали: сооружение в Костроме памятника царю Михаилу Феодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину (с переименованием центральной площади города в Сусанинскую); возвращение Ипатьевской обители статуса действующего монастыря и проведение масштабных работ по ее превращению в духовный мемориал Дома Романовых; учреждение Успенского собора Костромского кремля кафедральным храмом Костромской епархии.

Посещение «колыбели Дома Романовых» оставило у императора Николая I самое благоприятное впечатление (передавали его отзыв: «Я видел такую приверженность, любовь и усердие народное только в Риге и Костроме» [14]). Заинтересовался самодержец и переданным ему предложением костромских граждан – воздвигнуть в Ипатьевской обители

памятник царю Михаилу Феодоровичу. Однако скромное состояние самой этой обители, к тому же формально обращенной (с 1744 года) в архиерейский дом, с точки зрения государя никак не могло соответствовать значению совершившихся здесь в 1613 году событий. Уже 11 декабря 1834 года в ризницу Ипатьевского монастыря прибыли исторические реликвии, по царскому повелению присланные из Оружейной палаты в Москве – деревянный посох и серебряный позолоченный ковш царя Михаила Феодоровича, а также большой серебряный ковш с резной подписью императрицы Екатерины II. А в следующем году – также царственным изволением – началась новая эпоха истории и Ипатьевского монастыря, и Успенского собора в Костромском кремле. Протоиерей Павел Островский повествовал:

«В июне 1835 года одновременно последовало высочайшее соизволение и на улучшения Ипатьевского монастыря, и на сооружение памятника, но государю императору угодно было, чтоб памятник был сооружен не в Ипатьевском монастыре, а на городской площади, для чего высочайше повелено и самую площадь именовать Сусанинской. (...)

С высочайшего соизволения последовали и улучшения в обители преподобного Ипатия. (...) Монастырь возведен на степень первоклассного кафедрального, по подобию московского Чудова, под непосредственным управлением епископа Костромского; штат монашествующих увеличен. Затем кафедральным собором, штат которого доселе был в Ипатьевском монастыре, учрежден Успенский собор. Таким образом Успенский собор чрез посредство своей святыни, послужившей некогда России в деле спасения ее умолением Михаила Романова на царствование, обязан новым достоинством кафедрального высочайшему воспоминанию того великого события, которым, по благословию Владетельного царства, целая Россия обязана началом своего многовекового спокойствия, величия и счастья» [15].

Так в 1835 году воплотилась в жизнь идея, за шесть десятилетий до того предлагавшаяся епископом Симоном (Лаговым) – который, к сожалению, не успел ее реализовать. Успенский собор Костромского кремля стал главным храмом Костромы и всей Костромской епархии, местом пребывания кафедры правящего архиерея, и это – как справедливо отмечал отец Павел Островский – было обусловлено значением хранившейся в соборе главной святыни Костромской земли. Соответственно, статус кафедрального усваивался и Богоявленскому собору: он в церковно-административном смысле составлял единое целое с собором Успенским, не имел собственного причта, а богослужения в соборных храмах совершались попеременно: в холодное время года – в Богоявленском (отапливаемом), в теплое – в Успенском, не имевшем отопления.

Одновременно с описываемыми событиями, в 1834–1835 годах, в Успенском соборе перестраивался придел во имя святого великомученика Феодора Стратилата: он был «распространен в длину прикладкой к придельной наружной каменной стене во всю длину западной стены главного Успенского храма» [16] (не будем забывать, что Успенский собор строился алтарем на север, к Запрудне, поэтому западная стена была для него не задней – как у других храмов – а левой от входа).

К глубокому сожалению, мы пока не имеем документальных свидетельств о чудесах, совершавшихся по молитвам у Феодоровской иконы после 1646 года и до XIX века (за исключением избавления от плена И.М. Иловайского). Вполне возможно, что такие записи и были, но погибли – как и множество других соборных документов – в пожаре 1773 года. Однако в XIX столетии такие свидетельства стали появляться; они фиксировались рукописями, публиковались в церковной печати. К примеру, в записках протоиерея Иакова Арсеньева сохранилось такое повествование, лично услышанное отцом Иаковом от рассказчицы и опубликованное затем протоиереем Павлом Островским в 1864 году:

«1831 года марта 14 (день торжественного праздника Феодоровской иконе Богоматери) г-жа Наталья Васильевна Обрезкова, урожденная графиня Шереметева, в приезд свой в Кострому для поклонения Феодоровской иконе Богоматери объявила, что всех из рода Шереметевых девиц, выходящих в замужество, всегда благословляют образом Пресвятыя Богородицы Феодоровским по нижеследующей причине. Один из давних их предков Шереметев, женившись на одной благородной девице, вскоре после брака так ее возненавидел, что она принуждена была удалиться в отдаленное место и там оплакивать свою горестную участь. В продолжение немалого времени муж ее не без огорчения провождал жизнь свою, а наипаче преследуемый мыслью, что род его пресечется. И вот он, сделавшись больным, видит сон, в коем ему открыто, чтоб он, взяв жену свою, ехал в Кострому для поклонения чудотворному образу Богородицы Феодоровскому и что, исполнив это, он получит исцеление и род его не пресечется. Совершив сие путешествие, Шереметев жил с своей супругой в неразрывном союзе и имел удовольствие видеть детей своих» [17].

В 1835 году, в процессе усвоения Успенскому собору статуса кафедрального, произошли интересные события, которые нельзя назвать собственно чудесными – однако они ярко свидетельствовали, какую искреннюю в своей простоте веру имели соборные священнослужители, как уповали они на помощь Царицы Небесной, у чудотворного образа Которой несли церковное послушание. Рассказ об этом случае отец Павел Островский начинает так:

«При благоговейном размышлении о неукоснительном покровительстве Божией Матери, примечаемом читателями чудотворного Ее Феодоровского образа в самых по видимому маловажных обстоятельствах жизни, нельзя оставить без внимания и того обстоятельства, которое непосредственно следовало за учреждением Успенского собора кафедральным» [18].

Суть дела была в следующем. Со времени учреждения Костромской епархии в 1744 году ее кафедральным храмом являлся Троицкий собор Ипатьевского монастыря, ставшего архиерейским домом. На протяжении последующих 90 лет штат Троицкого собора составляли не монашествующие клирики, а обычное «белое» (семейное) духовенство, старшим из этих соборян в 1835 году был кафедральный протоиерей Даниил Груздев. Однако решением Святейшего Синода Ипатьевской обители был возвращен статус монастыря (первоклассного кафедрального – то есть относящегося к высшей из трех категорий штатных монастырей и по-прежнему служащего резиденцией для епархиального архиерея). Теперь

«белым» клирикам в монастырском соборе служить стало неуместно – и тем же решением Синода весь штат прежнего кафедрального собора во главе с отцом Даниилом перемещался в новый кафедральный собор, Успенский кремлевский, прежним же клирикам Успенского собора епархиальное начальство должно было «дать приличные места при других в городе церквах» [19]. Можно себе представить, сколь огорчительным стало такое предписание для кремлевского духовенства – к примеру, для отца Иакова Арсеньева, четыре десятилетия прослужившего у чудотворной иконы... Соборные отцы сначала попросили помощи у костромского епископа, но тот не рискнул вмешиваться в дело, уже рассмотренное Синодом. Тогда кремлевские клирики, уповая на милость Пресвятой Богородицы, обратились непосредственно в высший орган церковной власти.

«Усердно помолившись Небесной Заступнице пред чудотворным Ее образом, соборяне решились на смелость ходатайствовать в Святейшем Синоде сами о себе. Смелое ходатайство, заступлением Владычицы мира, имело желанный успех; Святейший Синод вытребовал от местного епископа послужные списки соборян Успенских и Троицких и, по рассмотрении тех списков, определил: Успенским оставаться в Успенском кафедральном соборе, а Троицким соборянам (кроме протоиерея Даниила Груздева, который с званием кафедрального протоиерея должен был перейти в Успенский собор) дать приличные места при церквах приходских. Указ Святейшего Синода получен в конце ноября 1835 года» [20].

Добавим, что писавший эти строки отец Павел Островский в 1835 году служил в Успенском соборе диаконом и, таким образом, являлся и свидетелем, и непосредственным участником событий.

В мае 1837 года Кострому посетил наследник цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II. 13 мая он осмотрел городок Нерехту, а оттуда направился в Кострому, в 7 часов вечера прибыл к перевозу через Волгу на правый берег реки и переправился на левый берег – в город.

«Государь наследник прямо с перевоза поспешил, в сопровождении бесчисленного множества народа, в кафедральный Успенский собор, при Святых вратах коего был встречен преосвященным Владимиром [епископом Костромским и Галичским Владимиром (Алявдиным) – М.Ф.] со всем градским духовенством и слушал обычное молебствие о благоденствии всего августейшего Дома, по совершении коего изволил прикладываться к чудотворному лику Феодоровской Божией Матери и отправился в дом генерала Борщова на Сусанинской площади (где изволил останавливаться и августейший его родитель, в Бозе почивший), приготовленный для принятия Его высочества» [21].

На следующий день, 14 мая, цесаревич утром принимал депутации от жителей губернии (в том числе и от потомков Ивана Сусанина), затем посетил Ипатьевский монастырь и губернскую гимназию, а к вечеру «вышел в народ».

«После обеда государь цесаревич участвовал в публичном гулянии на бульваре, устроенном на самом лучшем месте в городе, на месте прежнего Костромского кремля, где собралось самое лучшее и многочисленное костромское общество» [22].

Рано утром 15 мая наследник отправился из Костромы в Вятку, по тракту через Судиславль и Макарьев.

Тем временем программа превращения и Ипатьевского монастыря, и всей Костромы в мемориал царственного Дома – инициированная императором Николаем I – постепенно, хотя и не без трудностей, реализовывалась. В 1835 году выдающийся архитектор той эпохи Константин Андреевич Тон (автор проекта Храма Христа Спасителя в Москве) составил проект всесторонней реставрации и перестройки Ипатьевской обители, а 16 апреля 1838 года был высочайше утвержден проект памятника царю Михаилу Феодоровичу и Ивану Сусанину на Сусанинской площади Костромы. 25 июня 1840 года, в день рождения императора Николая I, в Ипатьевском монастыре состоялась закладка храма во имя святых мучеников Хрисанфа и Дарии – в память о разделенных двумя веками исторических событиях 19 марта 1613 и 1814 годов. За год были возведены стены и своды церкви, но при снятии опалубки 2 августа 1841 года здание обрушилось, как было сказано в отчете того времени, из-за «дурного качества материалов» [23]. И – любопытное совпадение – ровно через два года, 2 августа 1843 года, на Сусанинской площади заложили основание (бут) для памятника царю и крестьянину.

«Закладка происходила торжественно: крестный ход из Успенского собора с чудотворным Феодоровским образом Богородицы был во главе торжества, которое заключилось праздником, обычным русскому хлебосольству» [24].

Однако в сентябре 1847 года продолжавшееся строительство памятника на Сусанинской площади оказалось связано с трагическими событиями – пожарами, испепелившими немалую часть города и явно бывшими следствием чьей-то намеренной злой воли.

«По слухам, ходившим в то время в Костроме, виновниками сентябрьского пожара 1847 года были поляки, проживающие в городе. Согласно молве, пожар, будто бы, был организован ими, чтобы сорвать открытие памятника Сусанину» [25].

«В результате пожаров с 5 по 11 сентября сгорело 188 домов, Богоявленский монастырь, 3 фабрики и 4 общественных здания. Для города с населением в 15 000 человек это стало катастрофой (...)

Продолжительность пожаров, возгорание в разных местах города, подметные письма с угрозами поджогов не оставляли у населения сомнений в наличии злого умысла. Жители организовали патрули, делившие город на округа и обеспечивавшие порядок и охрану от новых поджогов» [26].

Костромской губернатор К.Н. Григорьев из-за пожаров прервал свою поездку с ревизией по губернии и предпринял меры, которые даже современники сочли чрезмерными. Однако сейчас высказано предположение, что виновниками пожаров могли быть не просто злоумышленники (и уж тем более не поляки), а ... недобросовестные чиновники, опасавшиеся проверки «на местах» и решившиеся на откровенное злодейство, чтобы

помешать губернатору (пользовавшемуся, кстати, репутацией строгого и неподкупного начальника).

«Губернатором была образована следственная комиссия, к подозреваемым были применены допросы "с пристрастием" (с пытками). За превышение власти 22 ноября 1847 года высочайшим повелением К.Н. Григорьев был отстранен от должности губернатора, отозван в Санкт-Петербург и отдан военному суду. Не исключено, на наш взгляд, что поджоги в Костроме были организованы для пресечения ревизионных поездок губернатора. Тем более что впоследствии К.Н. Григорьев в своих действиях был оправдан и получил назначение губернатором во вновь образованную Якутскую губернию» [27].

Поскольку 6 сентября 1847 года пожаром был буквально уничтожен Богоявленский мужской монастырь (ныне Богоявленско-Анастасиин женский), где тогда располагалась Костромская духовная семинария, духовной школе пришлось переехать в соборные дома Костромского кремля.

«Оправившись от первого тяжелого впечатления, епархиальное и семинарское начальство положило наконец перевести семинарские классы в верхний этаж училищного дома, состоящего при кафедральном Успенском соборе; а второй дом преосвященный уступил под помещение семинарского правления, ректора, инспектора и секретаря семинарского правления. В этих домах и поместилась временно Костромская семинария; но помещение это было крайне тесно и неудобно. (...) Богоявленский монастырь стоял в развалинах, здания его частью разрушались, частью были разрушаемы; возобновлена была одна церковь, где находится чудотворная Смоленская икона Божией Матери, где и совершалось богослужение для воспитанников семинарии» [28].

В Костромском кремле, под осенением пребывавшей здесь чудотворной Феодоровской иконы Богоматери, духовная школа располагалась до 1868 года – когда состоялся ее переезд в здание на улице Верхней Набережной. За это время из стен семинарии вышло немало известных впоследствии лиц. Костромской историк Н.А. Зонтиков перечисляет выдающихся выпускников семинарии периода ее пребывания в соборном доме:

«Сергий (Спаский; 1830–1904 годы) – архиепископ Владимирский и Суздальский, историк и агиограф (выпуск 1849 года);

Иероним (Лаговский; 1832–1884 годы) – архимандрит, ректор Пермской духовной семинарии, историк и археолог (выпуск 1849 года);

Иларию Ефимовичу Беляеву (1831–1903 годы) – основателю и попечителю Александровского православного братства, самой значительной религиозно-благотворительной организации Костромской губернии (выпуск 1852 года);

Павел Иванович Андроников (1835–1888 годы) – писатель, краевед, редактор неофициальной части «Костромских губернских ведомостей» (выпуск 1854 года);

Евгений Евсигнеевич Голубинский (1834–1912 годы) – крупнейший церковный историк, профессор Московской духовной академии, академик Петербургской Академии наук (выпуск 1854 года);

Михаил Иванович Горчаков (1838–1910 годы) – историк, протоиерей, профессор церковного права Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук (выпуск 1857 года);

Иоанн Капитонович Херсонский (1843–1912 годы) – историк, протоиерей, смотритель Макарьевского духовного училища (выпуск 1861 года);

Николай Иванович Петров (1840–1921 годы) – историк, литературовед, профессор Киевской духовной академии, член-корреспондент Петербургской Академии наук, академик Украинской Академии наук (выпуск 1861 года);

Федор Иванович Успенский (1845–1928 годы) – историк-византист, директор Русского археологического института в Константинополе, академик Петербургской Академии наук (выпуск 1866 года)» [29].

В августе 1850 года Кострому посетили сыновья императора Николая I – великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, направлявшиеся в Нижний Новгород. Отец Евтихий Вознесенский так описывал их визит в Успенский собор:

«8 августа 1850 года, в 9 часов утра, большой колокол костромского кафедрального собора возвестил гражданам радостную весть о прибытии в наш град августейших посетителей и повторял свои стройные звуки до 2 $\frac{1}{4}$ [часов] пополудни – до времени прибытия Их императорских высочеств. Время весьма благоприятствовало. Народу было бесчисленное множество; целые тысячи поселян, бросивших свои сельские занятия, собрались и наполняли весь левый берег Волги, Сусанинскую площадь и площадь между бульваром и собором.

Августейшие братья прямо подъехали, в сопровождении своего руководителя генерала Философова и начальника губернии И.В. Каменского, к Святым вратам кафедрального собора, где были встречены преосвященным Леонидом с соборным и градских церковью духовенством, с крестом и святой водой. После приложения ко кресту и окропления пути Их императорских высочеств, в предшествии духовенства и архипастыря, чрез трапезу летнего, замечательного по своей древности и византийскому зодчеству собора, [великие князья] взошли во внутренность его и изволили слушать обычную ектению и многолетие царствующей фамилии, у правого столба храма, с поразительным для всех очевидцев благоговением и юношеской скромностью. После целования креста [они] возносили теплые молитвы пред чудотворным ликом Феодоровския Божия Матери, коей копии преосвященный имел счастье поднести Их императорским высочествам как памятник и залог того особенного покровительства Приснодевы, которое Она явила первому родоначальнику» [30].

На следующий день, 9 августа, великие князья покинули Кострому и по кинешемскому тракту отправились в Нижний Новгород.

14 марта 1851 года, в день празднования чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери, состоялось открытие памятника царю Михаилу Феодоровичу и Ивану Сусанину. После Божественной литургии в Богоявленском кафедральном соборе, которую возглавил епископ Костромской и Галичский Леонид (Зарецкий), на Сусанинскую площадь из собора отправился крестный ход, сопровождаемый воинскими подразделениями. В крестном ходе несли чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери и чтимую святыню Ипатьевского монастыря – Тихвинский образ Пресвятой Богородицы.

«По прибытии на площадь войска построились вокруг памятника с трех сторон, а на четвертой передней стороне памятника, обращенной к Волге, на устроенной нарочно эстраде, остановился крестный ход и все почетные лица, в процессии участие принимавшие. Вид площади в эти минуты был великолепный. Крыши окружающих площадь гостиных дворов и других зданий, балконы, окна унизаны были зрителями, число коих простиралось до 30 тысяч человек. По окончании построения войск, по данному г[енерал]-ном военным губернатором знаку, мгновенно упал с памятника покров, и взору изумленных зрителей предстал величественный памятник, на четырехугольном гранитном пьедестале, обнесенном чугунной решеткой, с гранитной на нем колонной, на верху которой бронзовый бюст юноши – царя Михаила Феодоровича, поразительно сходный с портретом; у подножия ее с левой стороны – молящийся Сусанин, вылитый из бронзы, а с правой – родословная и две грамоты, потомству его всемилостивейше дарованные; в барельефе на лицевой стороне пьедестала – последний момент смерти Сусанина (...). Вверху колонны – герб государства, на половине ее – герб Костромской губернии. На задней стороне пьедестала надпись: "Ивану Сусанину, за царя – спасителя веры и царства, живот свой положившему. Благодарное потомство". На двух боковых противоположных сторонах пьедестала годы: 1613 и 1851. Высота памятника от основания 21 аршин; вес его 17 000 пудов, а с фундаментом 140 000 пудов» [31].

Затем епископ Костромской и Галичский Леонид совершил молебен с водоосвящением, окропил памятник святой водой и произнес краткую речь.

«После речи началась панихида. Все, участвовавшие в сем торжестве, с умилением сердца возносили теплую молитву за упокой души юного избранника на царство Русское, царя Михаила Феодоровича, и поселянина Иоанна Сусанина.

По окончании духовной церемонии крестный ход возвратился в собор» [32].

К середине XIX века внутренняя роспись Успенского собора постепенно пришла в состояние, требующее поправки (напомним, что после пожара 1773 года собор в течение трех лет – в 1775–1778 годах – расписывали ярославские мастера). Реставрация росписи состоялась в 1855 году.

«Живопись 1775 года в половине XIX столетия значительно испортилась и побледнела, поэтому в 1855 году была исправлена. Трудились, исправляя, живописцы: крестьянин Михаил Матфеев и ростовский мещанин Александр Сапожников и позолотчик арзамасский мещанин Филипп Крылов» [33].

В том же 1855 году в Москве была напечатана книга протоиерея Павла Островского «Историческое описание костромского Успенского кафедрального собора». Почти полувековое церковное служение отца Павла – выдающегося костромского церковного историка и краеведа, приходившегося родным дядей знаменитому драматургу А.Н. Островскому – проходило в Костромском кремле: десять лет (с 1828 по 1838 год) он служил в Успенском соборе диаконом, еще десять лет (1838–1848 годы) – протодиакон, в 1848 году стал священником, затем был возведен в сан протоиерея. В 1837–1840 годах и в 1852–1855 годах он исполнял должность соборного ключаря, затем в 1855 году был назначен ключарем Успенского кафедрального собора и трудился в этом звании до своей кончины, последовавшей в 1876 году. Книга отца Павла Островского была не первым описанием Успенского собора (ранее издавалось сочинение протоиерея Иакова Арсеньева), но по объему содержащихся в ней сведений она стала настоящей исторической энциклопедией, посвященной и Успенскому собору, и всему Костромскому кремлю, и главной костромской святыне – чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери. Именно в этой книге отцом Павлом было опубликовано начало текста минейной (милютинской) редакции «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери», именно здесь он обосновал ошибочность датировки явления чудотворной иконы в Костроме 1239 годом – и это позволило профессору Московской духовной академии А.П. Голубцову спустя более чем полвека, в 1909 году, на историко-археологическом съезде в Костроме выразиться о вышеупомянутом «Сказании...» (которое профессор именовал повестью) так:

«Редкий из исследователей местной истории и археологии не пользовался нашей повестью; но из многих занимавшихся лишь один отец П.Ф. Островский, сколько знаем, останавливался нарочито своим вниманием на ней» [34].

Впоследствии, в 1864 году, протоиерей Павел Островский издаст еще одну книгу, посвященную истории Костромы в ее связи с историей чудотворной Феодоровской иконы: «Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых». А в 1870 году выйдет из печати еще одно сочинение отца Павла – «Историко-статистическое описание костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря».

В описании Успенского собора, изданном в 1855 году, отец Павел Островский приводил немало интересных сведений о чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери (в том числе и не относящихся непосредственно к истории соборов Костромского кремля). Вот, например, что он рассказывал о почитании костромичами своей святыни за пределами родной земли:

«Достоин упоминания и то, что благоговейное чествование Феодоровской иконе Богоматери не престают оказывать костромские граждане и в том случае, если они поставляются торговыми делами в необходимость отлучиться от родного города. 16 августа в соборе Нижегородской ярмарки торжественно празднуют они явлению Феодоровской иконы Божией Матери, а 14 марта Тамбовской губернии в городе Моршанске они исправляют празднество Феодоровской Божией Матери еще торжественнее: всенощное бдение совершается в градском Софийском соборе, откуда перед литургией икона Феодоровской

Богоматери (копия, доставленная им из Костромы и их усердием богато украшенная) крестным ходом приносится в приходскую (прежде бывшую кладбищенской), в честь Феодоровской Богоматери устроенную церковь; отсюда, по совершении литургии соборным служением, крестный ход с иконой Феодоровской Богоматери возвращается в собор. Праздник, совершаемый усердием костромитян с полным церковным благолепием, довершается столь же радушным их хлебосольством в усердном принятии в свои квартиры тамошнего духовенства» [35].

Тем временем для России наступила пора испытаний: началась Крымская война, 18 февраля 1855 года скончался император Николай I. Обстоятельства военного времени потребовали, как и в 1812 году, созыва ополчения – и вновь в Костромской губернии ополченцы выступили на ратный подвиг под осенением чудотворной Феодоровской иконы.

«12 июля 1855 года совершено преосвященным Филофеем [епископом Костромским и Галичским Филофеем (Успенским) – М.Ф.] торжественное освящение знамен костромского ополчения; это происходило на Сусанинской площади (...). По водоосвящении преосвященный, окропив святой водой иконы (копию с Феодоровской, в меру чудотворной, в серебряных рамках, и 11 250 малых финифтевых с изображением Феодоровской Богоматери, по числу ратников, пожертвованных кафедральным собором) и знамени, вручил первые начальнику ополчения, а последние начальникам дружин» [36].

4 августа 1855 года ополченцы покинули Кострому, отправляясь к месту назначения; у каждого ратника, как указано выше, имелся с собой образок костромской святыни – дар от Успенского кафедрального собора Костромского кремля. В августе следующего, 1856 года ополченцы возвратились домой; как и за сорок лет до того, их знамена были поставлены в Успенском соборе и хранились под его сводами на протяжении последующих десятилетий.

Осенью 1856 года в Успенском кафедральном соборе завершились проводившиеся с 1855 года ремонтные работы, а 30 марта 1857 года на Костромскую кафедру вступил епископ Платон (Фивейский) – архипастырство которого, продолжавшееся двадцать лет (до кончины владыки в 1877 году) стало целой эпохой в жизни Костромской епархии. 13 июля 1857 года епископ Платон совершил освящение Успенского собора после ремонта (по обстоятельствам, связанным с приобретением нового церковного убранства, освящение некоторое время откладывалось), а в августе 1858 года главный храм Костромы принимал в своих стенах нового государя, императора Александра II.

«15 августа – день храмового праздника – посетили Кострому, и прежде всего Успенский храм, Их величества государь император Александр Николаевич и государыня императрица Мария Александровна. Успенский храм своим великолепием вызвал себе лестный отзыв самого монарха; заметное для всех удовольствие государя императора, при обозрении священных украшений храма, выразилось в одном слове: "Прелесть"» [37].

16 августа, в день явления чудотворной Феодоровской иконы, царская семья посетила Ипатьевский монастырь. В тот же день произошло интересное событие: дочь императора,

великая княжна Мария, неожиданно – без какого-либо предупреждения – приехала в Успенский собор.

«Лишь только государь император и государыня императрица приехали из Ипатьевского монастыря во временный дворец, как отправилась для посещения костромской святыни великая княжна Мария Александровна. В исходе 2-го часа за полдень коляска, в которой сидела дочь русского царя с сопровождавшей ее фрейлиной Тютчевой, въехала в ограду костромского Успенского собора. Так как весь народ толпился около дворца и подле Ипатьевского монастыря, то в ограде соборной и около собора почти никого не было. Подле теплого собора случайно находился тогда наставник Костромской семинарии Николай Андроников, и только (как он уверяет) думал о том, как бы ему посмотреть на великую княжну, которой одной еще ему не удалось видеть, как увидел едущую по направлению к нему коляску, у которой позади стоял придворный камер-лакей. Догадавшись, кто находится в этой коляске, и пораженный тем, что так случайно исполняется на самом деле его пламенное желание, он бросился к экипажу, в котором сидела прекрасная, как ангел, русская царевна. Экипаж остановился, и г-жа Тютчева попросила Андроникова распорядиться, как он знает, чтобы в соборе не было стороннего народа. Великая княжна, высаженная из экипажа камер-лакеем, вынувши портмоне и отдавши его г-же Тютчевой, направилась в собор; у южных дверей собора она была встречена протоиереем Бронзовым с диаконом Князевым, которые и ввели высокую посетительницу в самый храм. Вслед за ними взошел только Андроников, который, затворив двери собора, встал подле них, чтобы не пускать мгновенно столпившийся народ. С глубоким благоговением дочь русского царя приложила к чудотворной иконе Феодоровской Богоматери, потом помолилась и другим святым иконам и, полюбовавшись великолепным украшением храма, направилась к экипажу в сопровождении г-жи Тютчевой, соборян и имевшего счастье вводить ее в собор Андроникова. Народ, в большом уже количестве собравшийся на паперти, безмолвно приветствовал поклонами высокую посетительницу, которая милостиво кланялась на обе стороны. Из собора великая княжна поехала в Ипатьевский монастырь» [38].

На следующий день император и императрица с дочерью вновь прибыли в Костромской кремль.

«17 августа Их величества слушали в Успенском храме кафедрального собора Божественную литургию, которую по назначению преосвященного, лично принявшего в 16 день после обеденного стола высочайшее приказание по сему предмету, совершал ключарь собора священник П. Островский, удостоившийся после литургии поднести Их величествам просфоры. По окончании литургии Их величества прикладывались к чудотворной Феодоровской иконе Богоматери и, сопровождаемые преосвященным, двумя архимандритами и соборным духовенством до Святых врат соборной ограды, отправились прямо на парходную пристань для дальнейшего путешествия в Нижний Новгород» [39].

Постепенно реализовывалась и программа превращения Ипатьевского монастыря в мемориал царственного Дома, намеченная еще императором Николаем I. В 1859 году был высочайше утвержден проект, предусматривавший разборку в обители старой, обветшавшей

Богородице-Рождественской церкви и постройку на ее месте новой. 12 мая 1860 года из кафедрального собора в Ипатьевский монастырь крестным ходом принесли чудотворную Феодоровскую икону Богоматери, чтобы с молитвой пред ликом костромской святыни совершить закладку новой церкви в честь Рождества Пресвятой Богородицы. В том же 1860 году последовало императорское повеление – провести реставрацию палат бояр Романовых (или дворца царя Михаила Феодоровича) в Ипатьевской обители по образцу палат бояр Романовых в Москве, в Зарядье (где 12 июля 1596 года родился будущий царь Михаил Феодорович).

Одним из важнейших нововведений для почитания Феодоровской иконы Божией Матери в XIX веке стало установление традиции ежегодного принесения чудотворного образа в город Галич.

«В генваре [январе – М.Ф.] 1861 года по ходатайству преосвященного Платона, вследствие поступившего к нему прошения от жителей города Галича, Святейшим Синодом разрешено переносить чудотворную Феодоровскую икону Богоматери из Костромы в Галич – ежегодно, со дня Преполовления Пятидесятницы до недели святых отец» [40].

Таким образом, первоначально икона отбывала из Костромы в среду четвертой седмицы по Пасхе (середину периода времени между Пасхой и Троицей) и возвращалась в воскресный день за неделю до праздника Святой Троицы (когда празднуется память святых отцов I Вселенского собора). В указе Святейшего Синода на имя епископа Костромского и Галичского Платона (от 13 января 1861 года за № 149) говорилось:

«По вниманию к благочестивому желанию жителей города Галича и представленным Вашим преосвященством и признанным Святейшим Синодом уважительным основаниям, по коим предполагается учредить ежегодно перенесение из костромского кафедрального собора в город Галич чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, и также по неимению к сему препятствий со стороны министерства внутренних дел, разрешить означенное перенесение согласно ходатайству местного епархиального начальства, с среды Преполовления Пятидесятницы до недели святых отец, дозволив при сем в течение означенного времени износить ту икону, по желанию священнослужителей и прихожан, из Преображенского собора и в другие церкви города Галича, а равно и в частные дома жителей, с тем, чтобы надзор при этом случае за порядком и благочинием в народе каждый раз возлагаем был на обязанность местной полиции, а наблюдение за сохранением в пути имеющих на иконе драгоценных украшений лежало на ответственности епархиального начальства» [41].

В мае 1861 года состоялось первое перенесение чудотворной Феодоровской иконы в Галич. Отец Павел Островский – очевидец и участник этих событий – описывал их так:

«17 мая 1861 года, в день Преполовления Пятидесятницы, совершилось первое торжественное перенесение костромской святыни чрез Судиславль в город Галич. По совершении обычного в этот день крестного хода [в праздник Преполовления, на реку Волгу с водоосвящением – М.Ф.], всегда сопровождаемого множеством народа, преосвященный со всем градским духовенством в кафедральном соборе начал молебен Пресвятой Богородице;

при пении тропаря «Пришествием честныя Твоя иконы, Богоотроковице» начался новый крестный ход, в котором чудотворная Феодоровская икона Богоматери изнесена священниками за Святые врата соборной ограды на площадь, в сопровождении преосвященного; здесь после пения «Спаси от бед», по сугубой ектении и осенении народа святым крестом, расстался владыка, духовенство и весь народ с святой иконой, поставленной двумя соборными протоиереями в дорожный экипаж.

Торжественные проводы чудотворной иконы, окруженной и теснимой со всех сторон, можно сказать, целым населением города, при архипастырском напутствии отъезжающих святительским благословением и при общем во всем городе колоколенном звоне, до глубины души тронули православный народ, провожавший святыню в неблизкий путь: на лицах провожавших святыню виднелись слезы – не от грусти при разлуке с ней, но от полноты любви христианской и братских благопожеланий к ожидающим ее своим собратьям о Христе в иных городах и селениях» [42].

По пути следования иконы ее торжественно встречали в церквях и носили по домам жителей.

«В селениях, где останавливается чудотворная икона на ночлег или на несколько часов, большая часть жителей спешат принять святыню в свои дома, а в самом Галиче едва ли можно насчитать десятую часть жителей, которые по разным обстоятельствам не имеют или времени, или иного удобства принять святыню в свои дома» [43].

На въезде в Галич Феодоровскую икону торжественно встречали горожане и жители окрестных селений. В донесении о путешествии со святыней, которое представили епископу Платону соборные протоиереи, сопровождавшие чудотворный образ, говорилось:

«После ранней литургии из села Соцевино, куда к этому времени собралось народу еще более, мы отправились в дальнейший путь к Галичу. С самого выезда из Соцевино на пути средка уже появлялись жители Галича, выехавшие и вышедшие на встречу чудотворной иконы, а за рекой Чолсмой, за 6 верст от Галича, уже целыми толпами, которые по мере приближения нашего к Галичу время от времени увеличивались, так что версты за три от Галича по обеим сторонам дороги тянулись целые ряды усердных богомольцев, из которых одни шли скорыми шагами (почти не оставаясь [видимо, опечатка и должно быть "отставая" – М.Ф.] от нашего экипажа), непрестанно изображая на себе крестное знамение, а другие при приближении святыни падали на колена и в таком положении продолжали молитвенные поклонения, провожая святыню взорами. Умилительно было это зрелище христианского благоговения к святыне, но вскоре пред глазами нашими открылось еще более благолепное и восхитительное зрелище под самым Галичем: это множество священных хоругвей с десятками храмовых икон, среди сонма галичского духовенства в светлых облачениях; все это смешалось с множеством народа, в разноцветной массе которого потерялись, так сказать, все чины и знатности городские (...). Экипаж с святыней среди массы народа, державшегося за колеса кареты и постромки упряжи, тихо двигался, приближаясь к месту, где ожидали желанную святыню жители Галича для торжественной встречи» [44].

В городе Галиче чудотворная Феодоровская икона Богоматери пребывала в Преображенском соборе, посещала храмы города и дома галичан, а к назначенному сроку так же – в экипаже, сопровождаемая духовенством – возвратилась в Кострому.

«Прошло с того дня [праздника Преполовления Пятидесятницы – М.Ф.] две с половиной недели – период разлуки жителей Костромы с святыней, – и эта кратковременная разлука послужила для них новым поводом к возбуждению чувств радости и умиления при зрелище обратного торжественного шествия в Кострому чудотворного образа, встречаемого крестным ходом из собора, в присутствии преосвященного и всего городского духовенства» [45].

Начиная с 1861 года обычай ежегодного торжественного перенесения чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери в Галич соблюдался неукоснительно и прекратился лишь вследствие революционных событий XX века. Со временем в график и церемониал перенесения стали вноситься изменения – прежде всего потому, что далеко не только галичане желали принять у себя костромскую святыню. Икону стали также носить (после отбытия ее из Галича) в город Буй, поэтому время ее возвращения в Кострому пришлось перенести с недели 7-ой по Пасхе на Троицкую родительскую субботу; при прибытии чудотворного образа в губернский город его торжественно встречали в кафедральном соборе и сразу же крестным ходом переносили в Ипатьевский монастырь – для участия в богослужениях престольного праздника обители, дня Святой Троицы. При отправке иконы в Галич ее (как описывалось выше) сначала выносили из собора на площадь у кремля, но впоследствии стали сопровождать крестным ходом до Космодамиановского храма в Кузнецах (на перекрестке современных улиц Шагова и Князева, в XX веке полностью разрушен) и лишь там помещать в дорожный экипаж.

В 1863 году попечением ключаря Успенского кафедрального собора протоиерея Павла Островского было издано цветное хромолитографическое изображение чудотворной Феодоровской иконы Богоматери. Нам, живущим в XXI веке, трудно оценить значение этого события, но полтора века назад издание такой хромолитографии вносило большой вклад в распространение почитания чудотворного образа Царицы Небесной, особенно среди простого народа. В книге отца Павла Островского это печатное изображение описывается как «хромолитографический снимок, отличающийся точным сходством как св[ятых] ликом чудотворной иконы, так и всех украшений святыни с изящной отделкой» [46].

В июне–июле 1863 года «колыбель Дома Романовых» посетил наследник престола цесаревич Николай Александрович – сын государя, впоследствии скончавшийся (в 1865 году). По уже сложившейся традиции, визит начался с поклонения Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы.

«29 июня в 3 часа пополудни прибыл в Кострому Его императорское высочество государь наследник цесаревич на пароходе "Поспешный" общества "Самолет". С пароходной пристани, временно устроенной у волжского перевоза, высокий посетитель вместе с начальником губернии прибыл в коляске к кафедральному собору, пред вратами которого был встречен архиереем с двумя архимандритами и 8 протоиереями, из которых два предносили

чудотворную Феодоровскую икону Богоматери. (...) По входе государя наследника в храм совершено здесь краткое молебствие с провозглашением многолетия государю императору и всей августейшей фамилии; потом высокий посетитель изволил прикладываться к святой иконе, затем – принять от архиерея малую Феодоровскую икону Богоматери и "описание собора" [видимо, речь идет о книге отца Павла Островского издания 1855 года – М.Ф.]» [47].

Цесаревич Николай Александрович пробыл в Костроме сравнительно долго – до 5 июля, когда рано утром он отбыл в Нижний Новгород. Наследник престола посетил, в частности, Ипатьевский монастырь и осмотрел лежавший в руинах после пожара 1847 года Богоявленский монастырь; это посещение много способствовало скорейшему решению судьбы древней обители (уже в декабре 1863 года Богоявленский монастырь будет передан Крестовоздвиженскому Анастасииному женскому монастырю города Костромы, и эта древняя святыня начнет возрождаться).

В целом можно сказать, что к шестидесятым годам XIX века сформировалась традиция посещения Костромы великими князьями, наследниками престола и российскими государями. С.Г. Виноградова отмечает:

«Императоры приезжали в Кострому дважды: будучи цесаревичами и вступив на царский престол. В программу обучения русских наследников престола входило обязательное посещение ими Костромы и Ипатьевского монастыря» [48].

Визиты высоких гостей начинались, как правило, с посещения Успенского собора Костромского кремля и поклонения чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери. Интересная деталь: из чувства благоговения перед святыней даже царственные особы, подъехав к кремлевским Святым вратам, выходили из экипажей и шли от Святых врат до входа в собор пешком, и так же покидали кремль (а исключения из этого правила могли делаться лишь в случае крайней необходимости – как при визите императора Николая I в 1834 году).

Кроме описанных выше визитов, Успенский собор Костромского кремля посещали: в 1866 году – наследник цесаревич Александр Александрович (будущий император Александр III) и великий князь Владимир Александрович, в 1868 году – великий князь Алексей Александрович, в 1871 году – великий князь Сергей Максимилианович, в 1879 году – великий князь Петр Николаевич; 22 июля 1881 года – император Александр III, императрица Мария Феодоровна с детьми, наследником цесаревичем Николаем Александровичем (будущим императором Николаем II) и великим князем Георгием Александровичем, и братом, великим князем Алексеем Александровичем; в августе 1881 года – великие князья Николай Николаевич Старший и Петр Николаевич, в 1898 году – великий князь Сергей Александрович.

30 сентября 1863 года в Ипатьевском монастыре епископ Костромской и Галичский Платон совершил освящение отреставрированного дворца царя Михаила Феодоровича (царских чертогов, или палат бояр Романовых). В торжестве участвовала и главная святыня Костромы.

«Обер-гофмейстер князь Н.И. Трубецкой, городское духовенство, власти города и все присутствовавшие костромичи после литургии прошли крестным ходом с костромской чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери к царским чертогам, все покои которых были окроплены святой водой. После реставрации во дворце царя Михаила Феодоровича открылся музей Дома Романовых, который напрямую финансировался из государственных средств и в экспозиции которого были представлены реликвии, связанные с царствовавшими особами» [49].

27 ноября 1863 года состоялось высочайшее утверждение определения Святейшего Синода от 11 ноября того же года, которым решалась дальнейшая судьба древнего (основанного в двадцатых годах XV века) Богоявленского мужского монастыря города Костромы: в стены обители, после пожара 1847 года лежавшей в руинах, перемещались насельницы Крестовоздвиженского Анастасиинского женского монастыря, и устроенная таким образом женская обитель получала именование Богоявленско-Анастасииной (это название монастырь сохраняет и сейчас).

«Этот указ Святейшего Синода получен был в Костроме в самом исходе 1863 года, а 7 января 1864 года совершилось трогательное торжество введения инокинь во владение бывшим мужским монастырем. Канун этого дня был великим храмовым праздником в обители Богоявленской, но последний, вследствие совпадения с храмовым празднеством в теплом кафедральном соборе, в прежние времена до 1847 года совершался в ней 6 числа вечером всенощным богослужением, а 7 числа литургией в честь Богоявления Господня. Теперь с благословения преосвященного инокини Крестовоздвиженского монастыря должны были в первый раз совершить храмовое торжество в переданной им полуразрушенной обители так, как оно обычно происходило в ней до 1847 года» [50].

В богослужениях, проходивших в единственном храме Богоявленской обители, оставшемся после пожара 1847 года действующим – Смоленской церкви (которую именовали также часовней), – принимала участие и главная святыня Костромы.

«Во все городские церкви, по древнему обычаю, приносится в храмовые праздники из кафедрального собора чудотворная Феодоровская икона Божией Матери. В день Богоявления Господня, по освящении воды на реке Волге, эта величайшая местная святыня с крестным ходом пронесена была мимо девичьего Анастасиина монастыря; инокини с благоговением встретили святую икону у ворот и проводили ее в Смоленскую часовню. В находящейся при оной часовне церкви в первый раз при участии инокинь было совершено епископом Платоном всенощное бдение и 7 дня Божественная литургия. На церковное торжество явились все представители города, выражая тем искреннее сочувствие к делу восстановления упраздненной обители» [51].

12 мая 1864 года чудотворная Феодоровская икона вновь была доставлена в Смоленскую церковь Богоявленско-Анастасиинского женского монастыря – на богослужение, после которого епископ Платон возглавил торжественную закладку обширной пристройки к воздвигнутому в XVI веке Богоявленскому собору обители (это торжество собрало в монастырь около 12 тысяч богомольцев). А немного ранее, 2 февраля того же года, владыка

Платон освятил построенный в Ипатьевском монастыре каменный пятиглавый храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы (о его закладке в 1860 году мы уже упоминали). Чудотворную Феодоровскую икону приносили в Богоявленско-Анастасиин женский монастырь и впоследствии – например, на состоявшееся 15 сентября 1865 года освящение возобновленной Никольской («Салтыковской») церкви обители.

«В день Воздвижения Честного Креста Господня [14 сентября по старому стилю – М.Ф.] после литургии инокини с крестным ходом, сопровождавшим чудотворную Феодоровскую икону Богоматери, устремились из Крестовоздвиженского монастыря в воссозидаемый Богоявленский, и здесь в Никольской церкви совершено всенощное бдение с участием архипастыря Платона. (...) На следующий день, когда в Богоявленском монастыре издревле совершалась память "строителя его старца Никиты", после торжественного шествия архиерея со святыми мощами из Смоленской церкви в возобновленный Никольский храм совершено было освящение этого храма» [52].

Деятельная, энергичная личность владыки Платона (Фивейского) отразилась и на судьбе соборных храмов Костромского кремля: по инициативе архипастыря Богоявленский кафедральный собор был существенно расширен путем пристройки к нему новых приделов. К этому побуждали практические обстоятельства, на которые кафедральный протоиерей Иоанн Поспелов – известный костромской священнослужитель и духовный писатель – указывал в своей статье 1885 года:

«Теплый Богоявленский собор, вмещавший в себя более полутора тысяч богомольцев, к половине текущего [то есть XIX-го – М.Ф.] столетия оказался слишком тесным. В городе Костроме при постройке этого храма было, конечно, менее десяти тысяч жителей; но число это возрастало все более и более, и в последнее счисление 1867 года их оказалось близ тридцати тысяч, а усердие благочестивых костромичей к собору и к чудотворному образу Заступницы нашей усердной, благодарение Господу, не уმაлялось. Притом к Феодоровской иконе Божией Матери стекаются богомольцы из многих селений, не только близ Костромы лежащих, но и отдаленных. Понятное дело, что собор, вмещающий в себя около 1500 богомольцев, был слишком тесен для нескольких тысяч желавших помолиться в нем» [53].

Кроме того, поскольку престол в Богоявленском кафедральном соборе был один, то при служении в одно утро двух литургий – ранней и поздней – раннюю приходилось совершать (так как это происходило в холодное время года) в отапливаемом приделе во имя великомученика Феодора Стратилата при Успенском кафедральном соборе.

«Но и этот придел, хотя в 1834 году был довольно распространен, все же был очень тесен для множества богомольцев, желавших выслушать раннюю литургию в соборе. А что самое главное, во время ранней литургии чудотворный образ Феодоровский Божией Матери оставался в теплом соборе, и молящиеся за ранней литургией лишены были благочестивого желания их пролить свою теплую молитву перед этим образом» [54].

Решение о расширении Богоявленского собора было принято епископом Платоном и соборным духовенством еще в 1861 году, однако требовалось много времени на то, чтобы не только составить проект, но и получить разрешение из Петербурга на проведение работ.

Впрочем, в итоге без такого разрешения удалось обойтись вовсе: согласно высочайшему повелению от 25 августа 1865 года епархиальные архиереи получили право самостоятельно разрешать постройку, перестройку и распространение соборных, приходских и кладбищенских церквей. В 1865–1866 годах был разработан и окончательно утвержден проект, предусматривавший пристройку к собору двух обширных приделов; сначала их намеревались строить «в один свет», ниже главного алтаря, но в итоге построили «в два света» – одинаковой высоты с главным.

Правый (южный) придел предполагалось посвятить чудотворной Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы, однако случилось следующее.

«4 апреля 1866 года произошло ужасное событие, покушение на жизнь незабвенного монарха, в Бозе почившего Александра II, и спасение его костромичом Иосифом Ивановичем Комиссаровым. Костромичи несказанно радовались, что Милосердный Господь спас дорогую жизнь царя-освободителя и спас рукой их земляка – костромича; "слава Богу, – говорили они, – из нашей родины был Сусанин, свою жизнь положивший за спасение первого царя Романова, – наш же сородич вот и теперь спас нашего государя, потомка Романова".

Это событие и подало мысль архипастырю и соборьянам предполагаемый в распространяемом соборе правый придел освятить не только в честь чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, как сначала было предположено, но и в честь святого благоверного Александра Невского и Иосифа Песнописца» [55].

Таким образом, к посвящению правого придела прибавились имена святых – небесных покровителей императора Александра II и Осипа (Иосифа) Комиссарова, скромного уроженца костромского села Молвитино (ныне поселок Сусанино). В литературе встречаются критические версии о роли Комиссарова в избавлении царя от опасности: полагают, что он всего лишь находился рядом с местом покушения, остальное же ему приписали с пропагандистскими целями – ведь Молвитино располагалось рядом с Домнино, и Комиссаров неплохо смотрелся в роли «второго Сусанина». Но, как бы оно ни было в действительности, патриотический восторг – чересчур пафосный, но одновременно и трогательный своей наивностью – охватил тогда всю Россию; так что постараемся понять благие намерения владыки Платона и его помощников.

4 сентября 1866 года епископ Платон совершил закладку приделов к Богоявленскому собору, к лету 1868 года наружные работы были завершены, а прежние стены собора – оказавшиеся внутри нового храмового пространства – частично разобраны. Отметим, что владыка Платон (с марта 1868 года – архиепископ), прилагавший многие усилия к благоустройству кафедрального собора, при этом энергично занимался и другими церковными делами. В 1868 году Костромская духовная семинария, после пожара 1847 года приютившаяся в соборных домах Костромского кремля, переехала в специально купленное для нее здание на улице Верхней Набережной в Костроме (ныне улица 1 Мая, в зданиях семинарии сейчас располагается Костромской государственный университет). Это было

насуточно необходимо, поскольку стесненные условия существования духовной школы (после перевода семинарии в соборные дома) весьма негативно сказывались на ее деятельности.

«На новом месте начальство семинарии было вынуждено существенно сократить количество учащихся. Если в 1846 году в семинарии обучалось 692 человека, то в 1851 году их количество составляло 463 человека, в 1856 году – 400 человек, в 1861 году – 448 человек, а в 1866 году – 347 человек» [56].

Разрешение проблемы устройства духовной школы – фактически не имевшей в Костроме «своего угла» – современники особо ставили в заслугу владыке Платону.

«В этом безвыходном и беспомощном положении Костромская семинария нашла и выход, и помощь, и опору в лице благодетельного архипастыря высокопреосвященного Платона, архиепископа Костромского и Галичского. Этот мудрый архипастырь так умел расположить в пользу семинарии все духовенство Костромской епархии, что оно с любовью и готовностью отзывалось на воззвания о помощи семинарского начальства и не только приобрело для семинарии собственное помещение покупкой земли и дома у купцов Стригалевых, но и помогло крайне бедственному положению наставников семинарии, прибавив к получаемому ими скудному жалованью очень нескудное пособие. Всем этим наставники семинарии обязаны доброму архипастырю» [57].

Распространенный Богоявленский кафедральный собор постепенно благоустраивался. 10 ноября 1868 года архиепископ Платон освятил его правый придел в честь Феодоровской иконы Божией Матери и во имя святого благоверного великого князя Александра Невского и преподобного Иосифа Песнописца; иконостас в этом приделе был устроен попечением соборного ключаря протоиерея Павла Островского. В 1871–1873 годах стены, своды и столбы собора покрыли новым искусственным мрамором, а 3 марта 1873 года архиепископ Платон освятил левый соборный придел – ставший, можно сказать, духовным памятником этому неутомимому архипастырю (в посвящении придела соединились указания на его день рождения и его небесного покровителя в монашеском постриге).

«Устроенный престол в левом приделе Богоявленского собора предполагалось сперва освятить в честь Боголюбской иконы Богоматери как особенно чтимой бывшим архипастырем костромским Платоном, родившимся 18 июня в день празднования этой иконе. Но чтобы увековечить в Богоявленском соборе память этого святителя, положившего так много забот для распространения и украшения собора, соборяне испросили разрешение освятить престол в левом приделе не только во имя Божией Матери, в честь иконы Ее Боголюбской, но и в честь мученика Платона, которому святая Церковь празднует 18 ноября. Тронутый таким представлением соборян, владыка написал на этом докладе: "С особенной благоговейной признательностью приемлю усердие членов собора и церковного старосты относительно моего недостойства. Верую, что по их святым молитвам Царица Небесная и святой мученик Платон не оставят меня своей милостью, и помощью, и заступлением"» [58].

Шли годы, и Господь призывал к Себе Своих усердных делателей. 1 апреля 1876 года скончался протоиерей Павел Островский, его похоронили в правом приделе Богоявленского

собора – для благоустройства которого он так усердно трудился. Близилась к завершению и земная жизнь архиепископа Платона.

«В Бозе почивший архипастырь Платон, принимавший такое живое участие в распространении и украшении теплого Богоявленского собора, еще за несколько лет до своей кончины начал заботиться об усыпальнице под собором, где он указывал похоронить себя после кончины. Несколько раз он напоминал об этой усыпальнице настоятелю собора, хотел даже сам осмотреть место для нее. Его успокаивали, что под главной частью теплого собора место для усыпальницы самое удобное; говорили ему, что можно устроить там даже церковь, алтарь которой будет очень просторный и светлый. Но представлением об устройении под теплым собором усыпальницы медлили; особенно неудобно было делать такое представление, когда в феврале 1877 года владыка сделался нездоров. Однако, по настоянию владыки, 12 мая того же года настоятель собора привез ему доклад об устройении усыпальницы под теплым собором в Солоникино [на архиерейскую дачу – М.Ф.], куда по совету врачей он переехал из Ипатьевского монастыря, чтобы свежим воздухом поправить свое слабое здоровье. Но владыка был так болен, что ему и не докладывали бумаги, а в ту же ночь его не стало» [59].

По завещанию архиепископа Платона его тело было погребено в усыпальнице под Богоявленским кафедральным собором, а новый костромской архипастырь – епископ Костромской и Галичский Игнатий (Рождественский) – распорядился устроить в этой усыпальнице храм во имя преподобного Сергия Радонежского и освятил престол этого нового храма 23 сентября 1878 года. Здесь же, рядом с владыкой Платоном, 11 июня 1883 года похоронили скончавшегося 7 июня владыку Игнатия. Интересно, что по воспоминаниям протоиерея Иоанна Поспелова епископ Игнатий предвидел свою кончину в Костроме, еще только прибыв на новую кафедру.

«Когда прибыл в Кострому 28 марта 1878 года преемник архиепископа Платона преосвященный Игнатий и в первый раз пришел под собор, чтобы поклониться останкам своего предместника, тогда, указав на левую сторону усыпальницы, он сказал сопровождавшим его: "А вот здесь похороните меня"» [60].

Таким образом, в Богоявленском кафедральном соборе с 1878 года имелось 4 престола: главный (в честь Богоявления, Крещения Господня), правый и левый придельные и престол в усыпальнице. Площадь собора – кроме алтарей – составляла более 200 квадратных сажен. А о его вместительности свидетельствует событие 1877 года – проводы костромичами покидавших город воинов.

«Когда Зарайский полк в полном составе выступал в поход в 1877 году, для него был отправлен в собор молебен. Еще до прибытия войска в собор набралось народу очень много; но пришли 4 батальона, около четырех тысяч человек, и все уместились в соборе. Надобно полагать, что тогда было в соборе народу тысяч пять или шесть» [61].

Однако, как отмечал протоиерей Иоанн Поспелов, для усердных почитателей чудотворной Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы и такой собор оказывался мал:

«Смело идет молиться Богу в теплый собор всякий костромич, зная, что места в нем достаточно для всякого. Только в праздник в честь Феодоровской иконы Богородицы и в крестные ходы, когда собирается народу десятки тысяч, конечно, и обширный собор бывает тесен и не может поместить всех желающих в нем помолиться Богу» [62].

22 июля 1881 года Кострому с кратким визитом (по пути из Нижнего Новгорода) посетили император Александр III – вступивший на российский престол после убийства его отца, императора Александра II, террористами 1 марта того же года, – императрица Мария Феодоровна, наследник цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II), великие князья Георгий Александрович и Алексей Александрович. Согласно обычаю, о котором говорилось выше, император – еще будучи наследником престола – посещал Кострому в августе 1866 года, а его сын, став царем, в следующий раз посетит «колыбель Дома Романовых» в 1913 году по случаю празднования 300-летнего юбилея царственной династии.

Визит продолжался всего 3 часа – с 12 до 3 часов дня. Император, встреченный на берегу Волги представителями власти и почетным караулом, сразу же отправился с семейством в кремль.

«У кафедрального собора в Святых вратах встретил государя преосвященный Костромской Игнатий с чудотворной Феодоровской иконой Богородицы. Выслушав молебствие и приложившись к иконам, царственные путешественники отправились в Ипатьевский монастырь» [63].

После Ипатьевской обители царь с семейством посетили Богоявленско-Анастасийин женский монастырь, а затем вернулись на пристань и продолжили свое путешествие по Волге. Интересно отметить, что при посещении палат бояр Романовых в Ипатьевском монастыре император сам давал пояснения своим спутникам, фактически провел им экскурсию по дворцу первоначальника царского Дома.

В 1885 году началось издание «Костромских епархиальных ведомостей» – епархиального журнала, регулярно выходившего из печати до конца 1917 года (хотя летом 1917 года журнал был переименован, согласно веяниям времени, в «Костромской церковно-общественный вестник»). На страницах «Епархиальных ведомостей» мы встречаем немало материалов, относящихся к истории Костромского кремля, повествующих о его великой святыне – чудотворной Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы. Вот, например, описание празднования в честь чудотворного образа, состоявшегося 14 марта 1887 года.

«14 марта Кострома и вся Костромская епархия праздновала свой местный великий праздник в честь Феодоровской иконы Богородицы. Накануне, 13 марта, в половине второго часа дня начался благовест с соборной колокольни к молебну. В 2 часа из Ипатьевского монастыря изволил прибыть в собор Его преосвященство преосвященнейший Александр, епископ Костромской и Галичский, который в сослужении отца ректора семинарии, соборного и всего городского духовенства, облачившись в полное архиерейское облачение, и совершил молебен Пресвятой Богородице, на котором, по обычаю, был пропет архиерейскими и

семинарскими певчими параклисис [молебный канон Богородице – М.Ф.]. По окончании молебна были провозглашены обычные многолетия. В половине шестого начался благовест ко всеобщей, которую по прибытии Его преосвященства и начал кафедральный отец протоиерей; на литию и величание выходил сам владыка в сослужении отца ректора семинарии и соборного духовенства. Храм был переполнен молящимися. При помазании елеем народу раздавались отпечатанные молитва Божией Матери, тропарь, кондак и некоторые стихиры в честь Феодоровской иконы Богоматери. Вечером, по окончании всеобщей, собор и колокольня, иллюминированные [так в тексте – М.Ф.] сверху донизу разноцветными фонариками, представляли величественное и изящное зрелище. 14 марта владыка в сослужении тех же лиц, в присутствии гражданских и военных чинов совершал Божественную литургию, которую пели совместно архиерейские и семинарские певчие. (...) По окончании литургии в соборных покоях владыки [в соборном доме – М.Ф.] соборным духовенством и старостой была предложена праздничная трапеза» [64].

Читая о том, что собор был переполнен молящимися, следует не забывать: речь идет о Богоявленском кафедральном соборе, уже перестроенном и вмещавшем множество людей. Кстати, к описываемому времени этот собор обрел еще более благолепный вид: в 1884 году был разобран свод, отделявший купол собора от основного пространства храма.

«С открытием купола в соборе стало очень светло, особенно на солеи и амвоне при главном алтаре, воздух стал свежее, а чтение и пение стали звучнее, чем прежде» [65].

Празднование явления чудотворной иконы, 16 августа, совершалось также при стечении большого числа костромичей, однако порядок его был иным: сначала из Успенского кафедрального собора совершался крестный ход с Феодоровским образом Богоматери на Запрудню, а затем в Спасо-Запрудненской церкви архиерейским чином служилась Божественная литургия. Вот как это происходило в 1885 году:

«16 августа, в праздник в честь Нерукотворенного Образа Спасителя, ежегодно бывает крестный ход из собора на Запрудню, где издавна, наверно со времен явления здесь Феодоровской иконы Божией Матери, построена церковь в честь Нерукотворенного Образа. На этот крестный ход собирается очень много народа. Ныне крестный ход вышел из собора в исходе восьмого часа утра; небо было пасмурно, и в половине пути пошел дождь; народ не расходился. Около кладбищенской церкви Крестовоздвиженской [в XX веке разрушена, находилась в районе современной улицы Коммунаров – М.Ф.] ход обычно остановился для чтения Евангелия Нерукотворенному Образу и для осенения крестом. При Запрудненской церкви еще за оградой обычно чудотворную икону встречает сам владыка с сослужащим ему духовенством, читается Евангелие Божией Матери и осеняется народ святым крестом. Но ныне, по случаю дождя, чудотворная икона была встречена архипастырем на паперти и чтение Евангелия было уже в самой церкви. Затем началась самая литургия; сослужащих архипастырю, как и в соборе, было три протоиерея и три иерея. Пел полный хор архиерейских певчих. После литургии крестный ход возвратился в собор» [66].

С 1888 года костромское Александровское православное братство – религиозно–благотворительная организация, занимавшаяся обширной образовательной и

благотворительной деятельностью в Костроме, в окрестностях села Домнино (то есть в местах, непосредственно связанных с историей Дома Романовых) и в других местностях – стало совершать особое празднование в память о воцарении Михаила Феодоровича Романова. Празднование проходило 15 марта, на следующий день после общецерковных торжеств, в Ипатьевской слободе близ Ипатьевского монастыря (здесь, в слободе, действовали некоторые из учреждений братства – к примеру, учебная столярная мастерская для мальчиков и рукодельная школа для девочек) – «для ежегодного воспоминания среди местного населения радостнейшего для России события» [67]. В местную приходскую Иоанно-Богословскую церковь из кафедрального собора приносилась чудотворная Феодоровская икона Божией Матери, совершалось богослужение архиерейским чином; затем участники торжества собирались в архиерейских покоях в Ипатьевском монастыре, и там под председательством архипастыря проходило ежегодное собрание Александровского православного братства.

Появилось свое братство – Феодоровско-Сергиевское – и при кафедральном соборе Костромы; в отличие от Александровского, оно уделяло преимущественное внимание духовно-просветительской и миссионерской деятельности (при этом следует учитывать, что в те годы миссионерство понималось прежде всего как борьба с расколом и сектантством). История его создания такова. В 1887 году при Костромской духовной семинарии было учреждено братство преподобного Сергия, имевшее целью развитие религиозного просвещения и взятое под покровительство (официальный термин того времени) великим князем Сергием Александровичем, братом государя Александра III. Однако спустя три года епархиальное начальство и члены братства сочли, что братскую деятельность более удобно будет осуществлять при кафедральном соборе. В первом номере «Костромских епархиальных ведомостей» за 1891 год опубликовали извещение:

«1) По постановлению бывшего 25 ноября сего 1890 года общего собрания членов костромского братства преподобного Сергия, утвержденному Его преосвященством, средоточный пункт деятельности братства перенесен из Сретенской семинарской церкви в костромской кафедральный собор и братство переименовано в Феодоровско-Сергиевское. (...)

2) Применительно к положению братства при костромском кафедральном соборе общим собранием вновь редактирован и Его преосвященством утвержден устав братства» [68].

В первом параграфе обновленного устава братства говорилось (обратим особое внимание на примечание):

«Православное Феодоровско-Сергиевское братство учреждается в городе Костроме при костромском кафедральном соборе с целью распространения духовно-нравственного просвещения в пределах Костромской епархии и именуется православным костромским Феодоровско-Сергиевским братством.

Примечание. С перенесением средоточного пункта деятельности братства преподобного Сергия из Сретенской семинарской церкви в костромской кафедральный собор,

братство переименовано в Феодоровско-Сергиевское, так как в соборе хранится драгоценная святыня церкви Костромской – Феодоровская икона Божией Матери» [69].

В 1891 году золотая риза, изготовленная для чудотворной иконы в 1805 году, была переделана (то есть фактически ее материалы были использованы для изготовления новой ризы).

«В 1891 году риза эта [1805 года – М.Ф.] переделана, при чем золота 92 пробы было прибавлено. Всего золота в переделанной ризе 23 фунта 6 золотников. Стоимость переделанной ризы с драгоценными на ней камнями и украшениями определяется более чем в 23 000 рублей. Золотая риза надевается на икону только в праздничные дни. Для обыкновенного времени имеется такой же формы сребропозлащенная, также с ценными украшениями» [70].

9 января 1895 года Костромское духовное училище, размещавшееся в одном из соборных домов Костромского кремля, переместилось в новое собственное здание (ныне в этом здании, на углу современных проспекта Мира и улицы Князева, располагается родильный дом). После проведения в освободившемся соборном доме капитального ремонта в нем разместились квартиры соборных священнослужителей. Другой дом – ближний к Успенскому собору – сохранил свое прежнее предназначение, которое еще в 1855 году описывал отец Павел Островский: этот дом,

«который слывет архиерейским по назначению его для жительства архиереев, служил и доселе служит на слишком короткое время помещением для местных преосвященных, которые, приезжая из места своего постоянного жительства (состоящего в Ипатьевом монастыре за рекой Костромой, отделяющей монастырь от города) в Успенский собор для торжественных священнослужений в последние дни Страстной и первые Светлой седмиц [точнее было бы сказать: в Богоявленский собор – М.Ф.], проживают в том доме по несколько дней, особенно тогда более, когда лед на реках, тронувшись, становится преградой к переправе через реку Кострому» [71].

Н.А. Зонтиков уточняет:

«Осенью, в начале ледостава, когда переправа через реку Кострому была невозможна, архиереи также поселялись на несколько дней в архиерейском доме» [72].

В «архиерейском» доме, кроме того, размещались квартиры соборного духовенства: например, в 1812–1848 годах там жил протоиерей Иаков Арсеньев. Не были оставлены без внимания вдовы и сироты соборных клириков: им предоставлялись для жилья помещения в каменных трехэтажном доме и двухэтажном флигеле на берегу Волги, устроенных на принадлежащей собору земле (между Ильинской и Богословской улицами) в 1821 году – остальное же жилье в этих домах сдавалось в аренду.

В 1897 году в Костроме появился еще один храм, посвященный чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери – каменная церковь, построенная на выезде из города по дороге на Молвитино и Буй, на новом городском кладбище (поэтому в документах Новое

кладбище иногда именуется Феодоровским; в тридцатых годах XX века церковь была полностью разрушена, не сохранилось до наших дней и кладбище, в конце семидесятых годов обращенное в парк). Новая церковь, построенная в русском стиле, имела два престола – в честь Феодоровской иконы Божией Матери и во имя святого благоверного великого князя Александра Невского. Ее освящение 18 апреля 1897 года возглавил епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев).

«17 апреля, в 3 ½ часа, накануне освящения новоустроенного каменного храма на новом городском кладбище, из кафедрального Богоявленского собора в новый храм крестным ходом перенесена была чудотворная икона Божией Матери Феодоровской и в 6 часов совершено было всенощное бдение.

18 апреля состоялось освящение новоустроенного храма: освящение левого отделения храма во имя святого благоверного князя Александра Невского пред ранней литургией совершено протоиереем Евгением Соколовым. Освящение правого отделения во имя Божией Матери, в честь иконы Ее Феодоровской, совершено архиерейским служением пред поздней литургией» [73].

В 1891 году на Костромской земле появился женский монастырь, посвященный чудотворной Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы. Еще в шестидесятых годах XIX века в сельце Ратьково близ города Солигалича местная помещица А.Ф. Нащокина основала женскую общину, первоначально располагавшуюся в деревянном двухэтажном доме. Попечением Нащокиной в нем в 1869 году устроили домовую церковь в честь Феодоровской иконы Богоматери, а в 1878 году – воздвигли на территории общины каменный Троицкий храм. В 1885 году А.Ф. Нащокина скончалась и была погребена здесь же, в Ратьково. В 1891 году община была преобразована в общежительный женский монастырь, получивший наименование Богородице-Феодоровского, а в 1893–1900 годах в новой обители построили каменную церковь в честь Феодоровской иконы Царицы Небесной. После революции этот монастырь (с которым оказалась связанной история Солигаличского восстания против большевиков в начале 1918 года) подвергся закрытию и разрушению. Ныне в Ратьково можно увидеть лишь первый этаж прежней Троицкой церкви, перестроенный и используемый в хозяйственных целях.

В Костромской кремль для поклонения чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери прибывали не только представители царского Дома Романовых, но и известные церковные деятели. 31 мая – 2 июня 1888 года Кострому посетил и вознес свои молитвы пред чудотворным образом Царицы Небесной выдающийся сербский иерарх, выпускник Киевской духовной академии и искренний друг России митрополит Михаил (Йованович), тогда – вследствие интриг прозападных сил – временно отстраненный от церковного управления (в 1889 году он возвратился на свою кафедру в Белграде). 22 июля 1891 года Успенский собор посетил обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев в сопровождении управляющего канцелярией Святейшего Синода (и будущего обер-прокурора) В.К. Саблера. А 19 июля 1897 года Кострома встречала «всероссийского пастыря», святого праведного протоиерея Иоанна Кронштадтского. Епископ Костромской и Галичский Виссарион,

встретивший отца Иоанна в Костромском кремле, затем отбыл в Кинешемский уезд на заранее назначенное торжество закладки новой церкви, и в дальнейшем кронштадтского пастыря сопровождал викарный епископ Кинешемский Вениамин (Платонов). В этот день отец Иоанн совершил Божественную литургию в Успенском соборе. «Костромские епархиальные ведомости» писали:

«19 июля в Кострому прибыл кронштадтский отец протоиерей Иоанн Ильич Сергиев. С парохода высокоуважаемый гость проехал в соборный дом, где был встречен преосвященнейшим Виссарионом. Владыка беседовал с отцом протоиереем и поднес ему в дар две книги своего сочинения. В 10 ½ часов Его преосвященство преосвященнейший Виссарион отбыл из города Костромы в село Бонячки Кинешемского уезда для освящения закладки каменной церкви. Отец протоиерей Иоанн Сергиев совершил литургию в кафедральном Успенском соборе при участии соборного духовенства. Собор и соборная ограда были наполнены массой народа. После литургии в соборном доме предложена была братская трапеза по случаю приезда отца протоиерея Иоанна Сергиева. Перед трапезой отец Иоанн предложил присутствующим помолиться с ним и совершил водосвятный молебен, после которого окропил присутствующих святой водой. На обеде присутствовал[и] преосвященнейший Вениамин, вице-губернатор, соборное духовенство и некоторые почитатели отца Иоанна Сергиева. (...) Во все время пребывания отца Иоанна в соборном доме вся соборная ограда была наполнена множеством народа. Отец Иоанн подходил к окну и благословлял собравшийся народ. Толпа восторженно приветствовала великого русского молитвенника, слышны были громкие рыдания. После обеда отец Иоанн посетил Ипатьевский монастырь, Богоявленский женский монастырь и некоторых из костромичей. В 5 ½ часов высокоуважаемый гость отбыл из города Костромы в город Рыбинск» [74].

В последние десятилетия XIX века в богослужебное употребление был введен акафист в честь Феодоровской иконы Богородицы – особое последование, прославляющее чудотворный образ и предназначенное как для общественного богослужения, так и для личного молитвенного правила верующих. Ранее такого последования не было – и когда мы встречаем упоминание о чтении акафиста Божией Матери 14 марта в придворной церкви при императрице Елизавете Петровне [75], надо полагать, что речь идет собственно об акафисте Пресвятой Богородицы, с которого и начался этот жанр литургического творчества.

История составления данного богослужебного последования растянулась почти на два десятилетия. 1 июля 1865 года протоиерей Успенского кафедрального собора города Костромы Павел Орлов представил первоначальный вариант акафиста в Санкт-Петербургский духовно-цензурный комитет, чтобы получить разрешение церковных властей на его печатное издание. Однако цензор архимандрит Макарий 27 августа того же года дал неодобрительный отзыв:

«Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице в честь явления чудотворной Ее иконы, нарицаемой "Феодоровская, яже во граде Костроме", хотя вообще составлен благочестно и применительно к образцовым, но, как в нем встречаются в икосах некоторые

возношения со словами "радуйся" неполные, неопределенные, некоторые малосильные, акафист в настоящем виде не может быть дозволен к печатанию» [76].

В 1866 году отец Павел Орлов стал священником Богородице-Скорбященской домово́й церкви при губернской земской больнице в Костроме, а в 1883 году он предпринял вторую попытку издать акафист и обратился в Московский духовно-цензурный комитет с прошением:

«С дозволения преосвященного Игнатия, епископа Костромского и Галичского, последовавшего на прошении 30 мая 1883 года, почтительнейше представляя в Московский духовно-цензурный комитет на благоусмотрение рукопись под заглавием "Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице, в честь Ея явленных чудотворных иконы, нарицаемая Феодоровская, яже во граде Костроме, ею же умолен бысть на царство благоверный государь Михаил Феодорович, родоначальник царствующаго Дома Романовых", покорнейше прошу комитет разрешить напечатать сию рукопись в воспоминание священного венчания на царство благочестивейшего государя Александра Александровича и государыни Марии Феодоровны» [77].

Цензор протоиерей Ф. Сергиевский в своем отзыве отметил, что «акафист сей правилен по форме и легок по языку» [78], но указал на отдельные недостатки, требующие исправления – и текст был возвращен автору для доработки.

На следующий год к ходатайству об издании акафиста присоединилась настоятельница костромского Богоявленско-Анастасиинского женского монастыря игумения Мария (Давыдова), выдающаяся устроительница иноческой жизни и благотворительного церковного служения, имя которой было известно далеко за пределами Костромы (к примеру, она состояла в личной переписке с обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым). 21 сентября 1884 года матушка Мария обратилась в Санкт-Петербургский духовно-цензурный комитет с просьбой разрешить напечатать акафист, а 28 сентября цензор архимандрит Арсений написал в своем отзыве:

«Прочитанный мною в рукописи акафист в честь Феодоровской иконы Богоматери по форме и содержанию, как составленный согласно требованиям от произведений такого рода применительно к истории и изложенный приличным церковно-богослужбным языком, проникнутый чувствами умиления и благоговения, мог бы быть одобрен в печать с некоторыми исправлениями, указанными в самой рукописи» [79].

29 сентября 1884 года духовно-цензурный комитет направил донесение об акафисте в Святейший Синод. Тем временем отец Павел Орлов подал епископу Костромскому и Галичскому Александру (Кульничскому) прошение, в котором ходатайствовал «явить свое архипастырское соизволение на представление рукописи в Святейший Синод для испрошения у Святейшего Синода употреблять сей акафист в молитвословии» [80]. 1 октября 1884 года владыка Александр наложил на прошение резолюцию:

«Составленный священником Павлом Орловым акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице в честь явленной и чудотворной Ее иконы Феодоровской, яже во граде Костроме,

уже одобренный моим предместником б. п. [видимо, "блаженно-почившим" – М.Ф.] епископом Игнатием, был бы и по моему мнению – как первый и единственный, – весьма полезен для употребления местным православным населением, горячо ревнующим о вящем прославлении дорогой ему отечественной исторической святыни» [81].

12 октября 1884 года Святейший Синод принял определение за №2155:

«Акафист, составленный священником Орловым, разрешить к напечатанию, но не иначе как согласно с сделанными в той рукописи комитетом исправлениями и в ограниченном числе экземпляров, для местного употребления в Костромской епархии» [82].

В конце XIX – начале XX века акафист в честь Феодоровской иконы Божией Матери был напечатан несколькими изданиями; так, третье издание вышло в Москве в 1897 году.

Обычай ежегодного перенесения чудотворной Феодоровской иконы Богоматери в Галич, с разрешения Святейшего Синода учрежденный в 1861 году, соблюдался неукоснительно, однако со временем в него стали вноситься изменения – поскольку все больше населенных мест желали видеть у себя святыню. Протоиерей Иоанн Сырцов (лично участвовавший в путешествиях иконы в Галич и оставивший об этом интересные записки) отмечал:

«С 1861 года, с разрешения Святейшего Синода, стали возить святую икону в город Галич. Но во время проезда в Галич и обратно вошло в обычай останавливаться, для служений в храмах и для молебнов по домам, в попутных городах Судиславле и Буге, в некоторых монастырях, во многих селах и деревнях, чрез это срок отсутствия иконы из Костромы продолжается с недели мироносиц до субботы Пятидесятницы, больше месяца. В Галиче остается икона больше двух недель, в других городах не больше двух суток; в некоторых селах, где совершается церковное служение, сутки; в других и, особенно, в деревнях остается только на несколько часов, пока обнесена будет по всем домам. Во все время путешествия икона служит предметом глубокого, благоговейного восторга со стороны людей, принимающих ее. В городах и селах, где она останавливается на ночь, совершается праздничное служение, на котором читается акафист, специально составленный в похвалу Феодоровской Божией Матери; после службы совершается хождение с иконой по домам. Ни в городе, ни в селе, ни в деревне не остается ни одного дома, в котором бы икона не побывала, где бы не был совершен молебен, часто водосвятный, иногда сакафистом» [83].

В 1889 году по решению Святейшего Синода время отбытия иконы из Костромы в Галич было перенесено на пять дней ранее – с праздника Преполовления Пятидесятницы (среда седмицы 4-й по Пасхе) на пятницу седмицы 3-й по Пасхе. Повод к такому изменению дало обращение совета Александровского православного братства к костромскому епархиальному начальству от 7 июня 1888 года; братство просило разрешить в пятницу перед праздником Святой Троицы приносить чудотворную икону – при ее следовании из города Буга в Кострому, возвращаясь из ежегодного путешествия – в храм села Хрипели (или Спас-Хрипели) и в деревню Деревеньки, родину Ивана Сусанина; об этом ходатайствовали местные крестьяне. Консистория запросила по данному поводу мнение кафедрального

протоиерея Иоанна Поспелова и духовенства кафедрального собора – а соборяне (видимо, основываясь на опыте ежегодного перенесения иконы), пользуясь случаем, предложили одновременно разрешить и другие проблемы такого рода.

«Кафедральный протоиерей Иоанн Поспелов со старшей братией собора донес консистории, что удовлетворить желание крестьян Спасского сельского общества Домнинской волости принять чудотворную икону Феодоровской Божией Матери при следовании ее из Буя в Кострому в храм села Хрипелева и деревню Деревеньки – родину Сусанина, о чем ходатайствует Александровское православное братство, можно не иначе как продлив срок пребывания св[ятой] иконы в означенном пути не менее как на сутки. А так как необходимость заставляет увеличить срок пребывания св[ятой] иконы в городе Судиславле лишние сутки, в селе Михайловском близ Галича сутки, на пути следования из Галича в Буй сутки и в самом Буюе сутки, то кафедральный протоиерей со старшей братией собора просит консисторию сделать распоряжение, чтобы чудотворная икона отправлялась в Галич не в день Преполовления Пятидесятницы, как теперь, а за пять дней ранее, и именно в пяток на неделе о мироносицах. При таком сроке без затруднения будут удовлетворены все желания православных принять св[ятую] икону к себе в дом и желание крестьян Спасского сельского общества, Домнинской волости, а равно св[ятая] икона прибудет в Кострому в свое время, именно к празднику Святой Пятидесятницы, и будет принесена в Ипатьевский монастырь, как было и доселе» [84].

31 января 1889 года епископ Костромской и Галичский Августин направил в Святейший Синод представление с ходатайством, выраженным в его названии – «О продлении срока пребывания чудотворной иконы Феодоровской Божией Матери на пути в город Галич и обратно на пять дней» [85] (именно из этого представления взята приведенная выше цитата). И вскоре Синод принял определение от 7–21 марта 1889 года (вторая дата указывает на высочайшее утверждение синодального решения), гласившее:

«Святейший Синод, согласно ходатайству преосвященного Костромского, определяет: разрешенный Святейшим Синодом в 1861 году срок пребывания упомянутой иконы в пути, при перенесении оной из города Костромы в город Галич и обратно, увеличить пятью днями, так чтобы эта икона износилась из костромского кафедрального собора не в день Преполовления, как это было доселе, а за пять дней ранее, именно в пяток на неделе о мироносицах; о чем, для сведения и должных к исполнению распоряжений, послать преосвященному Костромскому указ» [86].

Соответствующий указ за № 1075 был направлен в Кострому 22 марта 1889 года [87].

Любопытно отметить, что в решении Святейшего Синода 1861 года предусматривалось возвращение иконы из Галича в Кострому в неделю святых отец (7-ю по Пасхе), а перенос этого события на субботу перед праздником Святой Троицы состоялся, судя по всему, по решению лишь епархиального начальства – без согласования с Петербургом. Во всяком случае, владыка Августин в своем представлении ничего не говорит о таком изменении (хотя и цитирует указ Синода 1861 года с упоминанием о неделе святых отец [88]). Возможно, епархиальное начальство считало необходимым утверждать в Синоде лишь время

изнесения иконы из Костромы. Других решений Святейшего Синода по этому поводу за указанный период нам не известно, а в 1903 году – когда епископ Костромской и Галичский Виссарион ходатайствовал перед Синодом о переносе срока отбытия чудотворной иконы из Костромы еще на два дня ранее – в соответствующем представлении от 29 января 1903 года костромской владыка ссылался лишь на известные нам документы 1861 и 1889 годов:

«С разрешения Святейшего Синода (указ Синода от 13 января 1861 года за № 149 и от 22 марта 1889 года за № 1075) находящаяся в костромском кафедральном соборе чудотворная Феодоровская икона Божией Матери ежегодно в пяток третьей недели по Пасхе износится из города Костромы в город Галич и город Буй и находящиеся по пути следования села и монастыри и возвращается обратно в город Кострому накануне праздника Святой Пятидесятницы» [89].

Чтобы представить, как практически выглядело перенесение Феодоровской иконы Богоматери из Костромы в Галич и Буй, приведем здесь расписание такого перенесения в 1900 году – последнем году XIX века.

28 апреля, в пятницу седмицы 3-й по Пасхе, образ Царицы Небесной крестным ходом был вынесен из кафедрального собора, перенесен до Космодамиановской церкви в Кузнецах, а оттуда в экипаже отправлен в заштатный город Судиславль. 29 апреля, в субботу, икона пребывала в Судиславле, а в воскресенье 30 апреля после ранней литургии в местном соборе покинула город и отправилась далее в Галич, с остановкой на ночь в попутных селах. Во вторник 2 мая около 7 часов вечера святыню торжественно встретили на границе города Галича и крестным ходом принесли в городской Преображенский собор. С 3 по 19 мая Феодоровская икона Богоматери находилась в Галиче, последовательно пребывая в соборе, приходских церквях и в храмах местных монастырей (Паисиева мужского и Никольского женского). Утром 19 мая чудотворный образ, провожаемый крестным ходом до границы города, отправился в Буй и прибыл туда вечером в субботу 20 мая. 21–23 мая икона находилась в городе Буйе, а в среду 24 мая утром отбыла из города, с остановкой на ночлег в селе Хрипели (как видим, и здесь планы 1889 года были несколько пересмотрены). В четверг 25 мая святыня прибыла в село Молвитино (ныне поселок Сусанино, районный центр по дороге из Буя на Кострому) и осталась там на ночь, в пятницу 26 мая продолжила свой путь к Костроме с ночлегом в селе Кузнецово, а в 2 часа дня в Троицкую родительскую субботу 27 мая прибыла в губернский город. Торжественно встреченная у Святых врат Костромского кремля, сразу же за тем чудотворная Феодоровская икона была крестным ходом перенесена в Ипатьевский монастырь – готовящийся отметить свой престольный праздник, день Святой Троицы [90].

С установлением ежегодного перенесения чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери в Галич завершилось и формирование традиции общегородских (генеральных) крестных ходов в Костроме. Некоторые из этих ходов совершались с древности (как ход 16 августа на Запрудню, или установленные предположительно во второй половине XVII века три воскресных хода вокруг города). Генеральными они именовались, поскольку в этих крестных ходах – совершавшихся ежегодно по одним и тем же случаям – участвовало все

городское духовенство, при этом они имели «общественное значение» [91]. На генеральный крестный ход из кафедрального собора непременно выносилась чудотворная Феодоровская икона Божией Матери, приносились и другие костромские святыни: чтимая Тихвинская икона Пресвятой Богородицы и складень с частицей Ризы Господней из Ипатьевского монастыря, икона Нерукотворенного Образа Спасителя из церкви Спаса на Запрудне; если в Костроме в это время пребывал чудотворный Игрицкий-Смоленский образ Божией Матери, дважды в году приносившийся в губернский город из Игрицкого мужского монастыря под Костромой, то в крестный ход брали и эту икону. К концу XIX века генеральных крестных ходов насчитывалось девять [92]. Приведем далее их краткие описания.

1. В праздник Крещения Господня – Богоявления, 6 января, на Волгу для великого освящения воды.

Вот описание такого крестного хода из «Костромских епархиальных ведомостей» 1885 года.

«После литургии, при участии костромского городского духовенства с владыкой во главе, был совершен генеральный крестный ход на Волгу. Когда вышел он из Святых ворот ограды, заиграли духовный гимн два хора военной музыки при выстроившихся солдатах, взявших ружья на караул для отдания чести крестному ходу и знаменам. Кроме множества народа, плотными стенами окружавшего крестный ход и военных, следовавших за ним с музыкой и знаменами, народом полны были галереи торговых рядов. При спуске с Молочной горы к крестному ходу присоединились святые иконы Смоленская и Крестителя Господня, вынесенные из Предтеченской церкви. Было приятно смотреть на крестный ход от Александровской часовни и с возвышенностей около Молочной горы; впереди все хоругви собора, крест, святые иконы, ряд которых заканчивала собой чудотворная икона Феодоровская Божией Матери, длинные ряды священников и во главе всех архипастырь с крестом на голове в предшестве диаконов с рипидами, дикирием и трикирием и священников с крестом и евангелием; за ними – чины военные и гражданские, далее отряды солдат с ружьями, знаменами и музыкой – и все это так отчетливо видно было на длинной и покатой горе. Крестный ход, достигнув Волги, поместился в устроенной городом иордани, сюда же были принесены и знамена. После освящения воды, совершенного владыкой, с обычным благочинием окроплены были иконы и знамена, и крестный ход двинулся в обратный путь. Войска были выстроены близ городской заставы; сам архипастырь окропил их святой водой, и они двинулись за крестным ходом» [93].

Поскольку в тот же день вечером и утром 7 января в Богоявленско-Анастасином женском монастыре совершались торжественные богослужения по случаю престольного праздника обители, чудотворную Феодоровскую икону, как правило, с Волги сразу уносили крестным ходом в этот монастырь (в кафедральный собор образ Богоматери возвращался днем 7 января).

2. В день проводов чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери из Костромы в Галич. Обычай совершения этого крестного хода установился, надо полагать, с 1889 года;

образ Царицы Небесной выносили из кафедрального собора и торжественно провожали до Космодамианской церкви в Кузнецях, где икону ставили в дорожный экипаж и отправляли в дорогу. Между 1905 и 1911 годами крестный ход стали совершать далее – от собора до Феодоровской церкви на Новом кладбище; таким образом, путь иконы в экипаже начинался уже от границы города (точную дату этого нововведения установить затруднительно, поскольку после 1905 года хроника жизни епархии в «Костромских епархиальных ведомостях» не публиковалась, а указание на само такое изменение заимствовано нами из справочной книги 1911 года [94]). Изменялся и день совершения крестного хода. С 1889 года до 1903 года образ Божией Матери провожали в путь в пятницу 3-й седмицы по Пасхе. В 1903 году – по определению Святейшего Синода от 6–17 марта 1903 года за № 1149 – день отправки иконы в Галич перенесли на среду 3-й седмицы по Пасхе, однако уже с 1904 года чудотворный образ провожали из Костромы в воскресенье, в неделю 3-ю по Пасхе, святых жен-мироносиц (в архивном деле Святейшего Синода 1903 года на рукописном тексте определения от 6–17 марта имеется любопытная правка карандашом как раз по этому поводу [95]).

3. В праздник Преполовления Пятидесятницы (среда седмицы 4-й по Пасхе) на Волгу, для освящения воды. Приведем описание этого генерального крестного хода из книги протоиерея Павла Островского издания 1855 года.

«День Преполовления Пятидесятницы преимущественно представляет восхитительное зрелище крестным ходом, который в этот день ограничивается обходом кремля. Крестный ход из собора, с известными остановками для совершения молебных литий, при пении пасхального канона идет близ самой ограды собора на Волгу; здесь церковная процессия восходит на нарочито приготовленный и убранный коврами паром для совершения водосвятия, а между тем все множество народа остается на протяжении берега Волги и вала, обращенного в бульвар; при пении «Спаси, Господи, люди Твоя» паром тихо спускается вниз по Волге сажень на 100 и останавливается прямо против улицы, по которой должен продолжать крестный ход свое шествие; процессия, при пении духовенством канона Богоматери, оставляет паром и продолжает шествие по Ильинской улице вокруг возвышающегося над ней бульвара (бывшего вала кремлевского), между тем часть народа, сопровождающего крестный ход, передвигаясь на длине всего бульвара, из слияния всех возможных цветов одежд и нарядов своих образует прелестную подвижную кайму бульвара. Процессия, совершив последнюю молебную литию у меньших врат ограды церковной, возвращается в собор» [96].

Отец Павел объясняет также, почему освящение воды совершалось на пароме:

«Обыкновенно это получило начало, вероятно, от того, что в некоторых годах праздник Преполовления бывает в полное водоразлитие, которое служит препятствием для процессии – совершать ход по берегу» [97].

До 1889 года после совершения этого генерального крестного хода чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери отправляли в Галич. С 1889 года чудотворный образ в данном ходе не участвовал, поскольку уже находился в Галиче.

4. В Троицкую родительскую субботу, после встречи прибывшей из Галича чудотворной Феодоровской иконы Богоматери – из кафедрального собора в Ипатьевский монастырь, накануне престольного праздника обители, дня Святой Троицы.

До установления обычая ежегодного принесения чудотворного образа в Галич этот генеральный крестный ход также совершался (и, можно полагать, с древних времен). После того, как в Троицкую родительскую субботу днем (обычно около 2 часов дня) икона стала возвращаться из Галича в Кострому, в кафедральный собор, ее стали торжественно встречать у Святых врат соборной ограды и сразу же после этого начинали крестный ход в Ипатьевскую обитель. Принесенная в монастырь чудотворная икона поставлялась в Троицком соборе, пребывала там все праздничные дни, а во вторник (после дня Святого Духа) также крестным ходом переносилась в кафедральный собор, наконец (после галичского путешествия) возвращаясь на свое обычное место в храме.

5. В первое воскресенье после недели Всех святых, то есть в первое воскресенье Петрова поста (неделя 2-я по Пятидесятнице) – первый из трех генеральных крестных ходов по воскресным дням, установленных в память избавления Костромы от моровой язвы (эпидемии чумы) в 1654 году.

Этот и два последующих крестных хода совершались, надо полагать, со второй половины XVII века и были установлены в воспоминание о страшном бедствии, посетившем город осенью 1654 года – эпидемии, в которой из 5356 человек взрослого мужского населения Костромы в живых осталось лишь 1895 человек [98]. В каждый из трех воскресных дней крестный ход с чудотворной Феодоровской иконой Богоматери и другими костромскими святынями обходил определенную часть города (примерно по границам городских посадов XVII века) – чтобы в итоге вся Кострома была пройдена церковным шествием и молитвенно ограждена от бед и напастей. С конца XVIII века в этих крестных ходах, кроме святынь самой Костромы и Ипатьевского монастыря, участвовала и чудотворная Игрицкая-Смоленская икона Пресвятой Богородицы, с наступлением Петрова поста ежегодно приносившаяся в Кострому для поклонения верующих.

Отец Павел Островский отмечал, что этот – первый из трех воскресных – генеральный крестный ход отличался особой выразительностью.

«Из трех ходов, совершаемых вокруг города, которые установлены в память избавления Костромы от чумы, первый отличается картинным видом множества народного: по набережной Волги от угла Ильинской улицы до церкви Стефана, святителя Сурожского, на протяжении двух верст пестрая толпа усердных богомольцев движется густой, сплошной массой» [99].

«Костромские епархиальные ведомости» 1885 года так описывали маршрут первого крестного хода:

«По выходе из соборной ограды шествие направилось под гору спуском к Волге, затем, сравнявшись с углом соборного дома [имеется в виду дом, построенный на берегу Волги в 1821 году – М.Ф.], повернуло налево и следовало по набережной прямо на восток до церкви Стефана Сурожского. (...) Когда дошли до церкви Стефана Сурожского, то ход повернул влево в Ямскую улицу, где пришлось подниматься в песчаную гору. (...) От Ямской улицы крестный ход следовал вспольем к городской заставе на конце Кинешемской или Русиной улицы (...). От заставы ход следовал по Кинешемской улице до тюремного замка. (...) С Русиной улицы ход направился по всполью, возле городской больницы к дому умалишенных (...). Отсюда крестный ход повернул в Кобылинский переулок, которым и прошел на Покровскую улицу – в гору; с Покровской улицы повернул в Жоховский переулок и отсюда Смоленской улицей вышел снова на Кинешемскую или Русину улицу» [100].

На углу Русиной и Ильинской улиц крестный ход направился в собор, а иконы из других храмов, участвовавшие в ходе, через Сусанинскую площадь были отнесены к своим церквям. На всем протяжении шествия оно сопровождалось колокольным звоном городских церквей, в пути делалось несколько остановок с чтением Евангелия и окроплением народа святой водой.

6. В неделю 3-ю по Пятидесятнице – второй генеральный крестный ход из трех воскресных. В целом порядок его совершения соответствовал предыдущему, но другим был маршрут, в 1885 году выглядевший так:

«Крестный ход двинулся чрез Святые ворота из соборной ограды на площадь. Отсюда ход направился мимо Гостиного и Табачного рядов и вышел к церкви Воскресения, что на площадке. (...) Затем (...) крестный ход двинулся далее по Сусанинской площади мимо присутственных мест и вступил в Никольскую улицу. (...) Из Никольской улицы ход повернул налево в Покровскую улицу к церкви Покровской, что в Крупениках, но отсюда вышел на Сенную площадь, пересекая улицы Марьинскую и Павловскую, с Сенной вошел в Калиновскую улицу. Отсюда, повернув налево, ход вступил в Алексеевский переулок и остановился у церкви Алексия, человека Божия. (...) Крестный ход из Алексеевского переулочка вступил в Смоленскую или Сенную улицу и по ней вышел на Еленинскую улицу. (...) Крестный ход (...) двинулся по Еленинской улице на Сусанинскую площадь. (...) Потом крестный ход, выйдя из Еленинской улицы, следовал Сусанинской площадью мимо гауптвахты, каланчи, Мучных рядов, Предтеченской церкви, мимо Калачных рядов, мимо часовни, новоустроенной в память мученической кончины императора Александра II, и Красных рядов. (...) ... крестный ход, при торжественном звоне колоколов в церквях Спасской и Воскресенской и в кафедральном Успенском соборе, вступил сначала чрез Святые ворота в ограду, а потом и в теплый собор» [101].

7. В неделю 4-ю по Пятидесятнице – третий, завершающий генеральный крестный ход из трех воскресных. Его маршрут в 1885 году описывался так:

«Крестный ход двинулся Святыми воротами соборной ограды на площадь. (...) Следуя возле Гостиного ряда и Спасской церкви, (...) крестный ход направился к памятнику Сусанину и от него – в Богоявленскую улицу. (...) С Богоявленской улицы крестный ход, при звоне колоколов в Богоявленском монастыре, (...) повернул в Вознесенский переулок и шел между Троицкой церковью и стеной девичьего монастыря. (...) Пересекши Троицкую улицу, крестный ход из Вознесенского переулочка вступил в Сергиевскую улицу. (...) Из Сергиевской улицы ход повернул влево в Цареконстантиновский переулок, которым и вышел на Новотроицкую улицу. С Новотроицкой улицы Спасским переулком крестный ход вышел на Солдатскую улицу, а с этой Кирпичным переулком вступил во Власьевскую улицу. (...) Крестный ход направился к концу Власьевской улицы и Острожным переулком вышел на Царевскую улицу, а на конце Царевской улицы повернул в Шиповский или Заводской переулок и мимо зданий механического завода Шипова вышел на Мшанскую или Московскую улицу. (...) ... крестный ход тронулся (...) по Мшанской или Московской улице и, повернув направо в Спасский переулок, сошел на Набережную улицу возле зданий арестантских рот. (...) Сравнявшись со Сретенской церковью, что в семинарии, крестный ход остановился и преосвященный читал здесь Евангелие (...). Пели семинарские певчие и присутствовали семинарские начальники, учителя и воспитанники всех классов семинарии. (...) Повернув в Екатеринославскую улицу и поднявшись в Молочную гору, крестный ход (...) направился в Успенский собор. Диакон и псаломщики пели тропарь Феодоровской Богородицы» [102].

Поскольку на воскресные генеральные ходы (в недели 2-ю, 3-ю и 4-ю по Пятидесятнице) и предшествовавшие им богослужения собиралось множество костромичей, в XIX веке сложился обычай: до дня третьего крестного хода (неделя 4-я по Пятидесятнице) совершать богослужения в обширном Богоявленском кафедральном соборе, не переводя их сразу же с наступлением теплого времени года в Успенский собор, а службы в Успенском кафедральном соборе начинать сразу после недели 4-й – перенося в летний собор чтимые святыни Костромского кремля, прежде всего чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери. Обратный перевод (на зиму) богослужений в Богоявленский кафедральный собор обычно совершался, как свидетельствует епархиальная хроника, по времени близ праздника Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября по старому стилю).

8. 1 августа, в праздник Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня – на Волгу, для совершения предусмотренного церковным уставом в этот день малого освящения воды.

9. 16 августа, в день празднования явления чудотворной Феодоровской иконы Богородицы – перед литургией на Запрудню, в Спасскую церковь, и после литургии обратно в собор.

Порядок совершения этого генерального крестного хода (на примере 1885 года) мы описывали ранее. Однако нужно заметить, что до второй половины XIX века такой крестный ход был много продолжительнее по времени: чудотворная Феодоровская икона Пресвятой Богородицы приносилась с Запрудни (после литургии) на место своего первоначального пребывания в Богоотцовский храм (а еще ранее – возможно, в деревянный храм во имя святого великомученика Феодора Стратилата) и оставалась там до 17 августа. Но эта

традиция – по неизвестной нам причине – была упразднена владыкой Платоном (Фивейским), вступившим на Костромскую кафедру в 1857 году. Протоиерей Димитрий Лебедев указывал:

«С давних пор и до половины XIX столетия в Костроме существовал обычай, по которому Феодоровская чудотворная икона Богоматери, относимая утром 16 августа из Успенского собора с крестным ходом на место своего явления в Запрудненский храм, затем при возвращении из последнего в Успенский собор в тот же день заносилась, в память своего первого местопребывания в Костроме, генеральным же крестным ходом при участии всего костромского духовенства и при многочисленном стечении городских жителей в каменный Богородицкий [то есть в честь Феодоровской иконы Богоматери, он же Богоотцовский – М.Ф.] храм на Мшанской улице, где и оставлялась до следующего дня; в следующий день, 17 августа, здесь правилась торжественная служба Феодоровской иконе Божией Матери. Распоряжением костромского архиепископа Платона уже в половине XIX века этот древний традиционный обычай был уничтожен» [103].

Впрочем, протоиерей Павел Островский полагал, что данный обычай не был старинным и утвердился лишь после построения Богоотцовской (Феодоровской) церкви, то есть в XVIII веке:

«Вероятно, со времени устройства этой церкви принял начало и потом несколько десятилетий продолжался церковный обряд принесения после литургии в 16 день августа, генеральным крестным ходом, чудотворного образа Феодоровской Богоматери с Запрудни в церковь Феодоровской Богоматери прежде, нежели возвратится крестный ход в Успенский собор. Чудотворный образ оставался в Богоотцовской (Феодоровской) церкви до следующего дня, в который, по совершении литургии, возвращался крестным ходом в Успенский собор» [104].

Сопоставляя последования совершения генеральных крестных ходов, можно отметить, что они – кроме №№ 4 и 9 по нашему списку – совершались после Божественной литургии в кафедральном соборе (№№ 1, 2, 3, 5, 6, 7 – в Богоявленском и № 8 – в Успенском). Крестные ходы возглавлялись костромскими архипастырями – кроме, опять же, ходов №№ 4 и 9, когда, по словам отца Павла Островского, «преосвященные встречают чудотворный образ на тех местах, куда он приносится» [105]. И хотя в генеральных крестных ходах участвовали многие костромские святыни, совершенно особое место в них занимала чудотворная Феодоровская икона Богоматери.

«Все эти крестные ходы представляют великолепное зрелище благочестия; впереди и позади святых крестов множество народа, который теснится и теснит друг друга для того, чтоб быть ближе к духовной процессии или лучше к чудотворному образу, главному предмету благоговейного чествования и молитвенных взоров; посреди крестного хода – чудотворный образ и другие святые иконы, в предшестве хоругви; затем все городское духовенство, которое заключает сам архипастырь со своей духовной свитой» [106].

Генеральные крестные ходы с чудотворной Феодоровской иконой Богоматери являлись важнейшими событиями жизни города Костромы, собиравшими буквально все православное население «колыбели Дома Романовых». Отец Павел Островский отмечал:

«Вообще пламенное усердие граждан Костромы и окрестных ее жителей к совершению общественных молитвословий очень верно выражают наши крестные ходы. Отраднo для сердца сказать об них без преувеличения, что не быть в крестном ходу по какой-либо крайности считается горьким лишением для того, кто принужден обстоятельствами остаться на это время дома; ни чрезвычайная пыль при удушливом жаре, ни дождь при ненастной погоде не в состоянии сократить в крестных ходах обычное множество усердных богомольцев. В каждом почти доме той части города, где совершается крестный ход, обыкновенно собираются ближайшие родные и знакомые и своими рассказами и воспоминаниями подкрепляют друг в друге добрые впечатления праздничного торжества» [107].

Кроме генеральных общегородских крестных ходов с чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери совершались и частные крестные ходы со святыней, придававшие особую торжественность престольным праздникам костромских церквей (приходских и некоторых домовых храмов, в частности семинарского). Вновь обратимся к сочинению протоиерея Павла Островского.

«Прочие крестные ходы, так называемые частные, которые совершаются пренесением чудотворного Феодоровского образа Богоматери из собора к церквам приходским накануне их храмовых праздников (таких ходов считается в год до 50), а обратно в собор – в самый праздник после литургии, сопровождаются более или менее значительным собранием благочестивых, всегда к Церкви усердных и особенно пред чудотворным образом благоговееющих жителей Костромы. От древности доселе есть такие ревнители, которые по обету, [или по] просто благочестивому обычаю сопровождают неотменно каждый крестный ход. Искренность благоговейного расположения ревнителей благочестия к святыне свидетельствуется и тем, что они не оставляют посещать дома частных людей, особенно соседей, для поклонения чудотворному образу, когда последние по какому-либо случаю – радостному или скорбному, в ожидании ли святой помощи против грозящей беды, или в благочестивое знамение глубокой благодарности за благодеяния, на них явленные, или для освящения начала доброго дела и благопоспешения его – призывают чудотворный образ Божией Матери в свои дома. Во всех подобных случаях чудотворный образ бывает подъемлем и носим не иным кем, как священнослужителями, преимущественно священниками в памятование того небесного указания, по которому чудотворный образ при самом явлении великому князю [речь идет о князе Василии Ярославиче, в то время удельном костромском, но не великом князе – М.Ф.] допустил быть снятым с соснового дерева не иным кем, как священниками» [108].

Впрочем, как следует из работы протоиерея Иоанна Сырцова, к началу XX века на престольные праздники в городские церкви чудотворную Феодоровскую икону Богоматери стали преимущественно возить в карете (а не переносить крестным ходом), таким же

порядком святыня отправлялась из собора для совершения молитвословий пред ней в частных домах.

«На храмовые праздники в городские церкви она [чудотворная Феодоровская икона – М.Ф.] обыкновенно увозится в карете накануне праздника, пред всенощным бдением, в сопровождении соборных священника, диакона и псаломщика; пред отправлением бывает обязательно перезвон [в колокола – М.Ф.], а при самом отправлении трезвон. Возвращается в собор уже в самый праздник, по окончании праздничной литургии. В частные дома икона частовременно возится по приглашению граждан после ранней и поздней литургий и после вечерни; в домах остается только на время совершения молебна» [109].

Также, по свидетельству того же отца Иоанна – бывшего в 1902–1909 годах протоиереем костромского кафедрального собора – в соборе сложилась традиция каждую службу суточного круга завершать молебном Пресвятой Богородице пред Ее чудотворным образом.

«И в простые, и в праздничные дни в соборе бывают благочестивые люди, желающие помолиться св[ятой] Феодоровской иконе. Отсюда установился обычай каждую дневную службу – утреню, литургию и вечерню – заканчивать молебным пением Пресвятой Богородице, если бы даже не было и заявлений и просьбы об этом со стороны молящихся. Молебное пение совершается по чину «канона молебнаго ко Пресвятой Богородице, поемаго во всякой скорби душевней и обстоянии» (в каноннике). Только тропарь и кондак берутся из службы Феодоровской Божией Матери и молебен заканчивается особой молитвой» [110].

Как отмечал протоиерей Павел Островский, нередко – по усердию богомольцев – в кафедральном соборе приходилось служить сразу несколько молебнов:

«Нельзя умолчать и о том, что стечение народа пред чудотворным образом в Успенском соборе часто бывает столь многочисленно, что протоиерей и три священника собора бывают в крайней необходимости – совершать молебствия, по желанию усердных богомольцев, для каждого порознь (это желание есть общее всех сословий, высших и низших), все в одно время, конечно, в разных местах храма, так впрочем, что из молящихся каждый ясно слышит совершаемое для него молитвословие и читаемый вполголоса канон» [111].

Кроме ежегодно отмечаемых дней, чудотворный образ Царицы Небесной износился из кафедрального собора на крестные ходы и по отдельным торжественным случаям. К примеру, 6 апреля 1885 года вся Россия отмечала тысячелетие преставления ко Господу святого равноапостольного Мефодия, просветителя славян (память которого Церковь чтит вместе с его братом, святым равноапостольным Кириллом). В Костроме торжества состоялись в Богоявленском кафедральном соборе Костромского кремля и на Сусанинской площади, богослужения возглавил епископ Костромской и Галичский Александр (Кульчицкий).

«В день 6 апреля, в половине девятого часа утра, в соборе начали позвон, и перед литургией, как обычно бывает в генеральные крестные ходы, принесены были в собор особенно чтимые в Костроме святые иконы Спасителя с Запрудни и Тихвинская Божия Матерь из Ипатьевского монастыря. Для совершения Божественной литургии владыка

прибыл в начале десятого. Литургия отправлена с полным благолепием. (...) Стечение богомольцев было многочисленное. После «Буди имя Господне» с амвона при полной тишине прочитал послание Святейшего Синода сам преосвященный, ему предстояло все собравшееся на молебен городское духовенство. Непосредственно по окончании литургии был крестный ход с чудотворной иконой Феодоровской Божией Матери, с иконой равноапостольных Мефодия и Кирилла и с принесенными в собор иконами на городскую Сусанинскую площадь, где пред Александровской часовней отправлен молебен благодарный с присоединением молебна святым просветителям славян. При шествии крестного хода военная музыка при собранных войсках играла духовный гимн. (...) Во время молебствия народом покрыта была вся площадь, торговые лавки были заперты. Войску и народу были розданы экземпляры книжки "Житие святых равноапостольных Мефодия и Кирилла". Крестный ход возвратился в собор уже в третьем часу пополудни; продолжался целый день звон церковный» [112].

Чудотворную Феодоровскую икону выносили из кафедрального собора для совершения молебнов при общественно-значимых событиях: начале деятельности учреждений и обществ, закладке и освящении зданий и тому подобное. Часто такие молебны совершал правящий архиерей в присутствии первых лиц губернии. Вот, например, хроника лишь второй половины сентября 1896 года.

17 сентября – чудотворная икона принесена на правый берег Волги (сейчас это также территория города Костромы) для водосвятного молебна при освящении нового здания Спасо-Никольской церковно-приходской школы. Молебен совершил епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев) в присутствии губернатора А.Р. Шидловского [113].

22 сентября – епископ Виссарион в присутствии губернатора А.Р. Шидловского освятил новое здание народной читальни имени А.Н. Островского в городе Костроме (сейчас это здание кукольного театра); на водосвятный молебен в читальню был принесен Феодоровский образ Богородицы [114].

26 сентября – состоялось освящение приюта для мальчиков, устроенного в Костроме губернатором А.Р. Шидловским на пожертвования благотворителей. Водосвятный молебен пред ликом принесенной в приют из собора чудотворной Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы совершил епископ Виссарион [115].

Как мы уже отмечали ранее, в XIX веке при кафедральном соборе велись записи, свидетельствующие о чудотворениях по молитвам пред Феодоровской иконой – но таких документов сохранилось крайне немного. Протоиерей Иоанн Сырцов писал об этом в 1908 году:

«Было бы для нас, христиан православных, грешно думать и не верить, что чудеса от святой Феодоровской иконы уже не исходят. Пресвятая Богородица, как и Сам Господь Бог, "вчера и днесь" остаются и будут оставаться во веки одинаково всемогущими, одинаково милостивыми к роду человеческому. Покровительство и милость Божией Матери ко всем прибегающим к Ней за помощью и молящимся пред Ее чудотворной Феодоровской иконой

оказываются и в наши дни в большом изобилии; только мы мало внимательны к этому, как бы не видим их и не слышим рассказов об этом. Между тем массы благодетельствованных от Нее, исцеленных от телесных и духовных недугов, не перестают и теперь славить Божию Матерь как Заступницу за нас усердную, как Целительницу от недугов, наполняя соборный храм и в будни и особенно в праздники и воскресные дни. Спросите любого из почитателей Феодоровской иконы, и вы непременно услышите что-либо о милости Божией Матери, оказанной ему лично» [116].

В 1885 году, когда началось издание «Костромских епархиальных ведомостей», в первом же номере неофициальной части журнала был помещен рассказ об одном таком чудотворении. Этот рассказ – записанный духовенством кафедрального собора 20 июля 1876 года со слов крестьянки Олонецкой губернии Дарьи Ивановны Феоктистовой, 53-х лет – мы процитируем полностью. Феоктистова сообщила соборникам:

«Назад тому 4 года я сделалась больна; сначала заболела у меня поясница; приставляла я банки, но боль не унималась, а все усиливалась. Через несколько времени боль спустилась в ноги и страшно усилилась: я не могла двинуться с места, ног у меня ровно не было. Жила я тогда в няньках в Питере. Только сидя могла я нянчить дитя и качать его в люльке. Добрые хозяева призывали ко мне несколько докторов, которые давали мне разные лекарства и мази, но боль не проходила. Целые два года я страдала.

Раз, сидя подле люльки, я прислонилась к стене и заснула. Во сне вижу, будто я подплыла на лодке к песчаному берегу, подле реки – гора, а на горе – церкви со множеством крестов. В другой раз я видела во сне старушку с котомкой за плечами; лицо ее и руки, как снег, белые. Подходит она ко мне и говорит: "Ты все болишь? Не все же тебе болеть". Сказав это, она подошла ко мне еще ближе и теснится сесть подле меня. Я думаю, зачем это старушка пришла сюда в детскую? Наши хозяева не любят чужих. – "У тебя уже два года болят ноги, как же мне не прийти к тебе? – сказала старушка, угадав, что я думала. – Обещайся помолиться Царице Небесной пред Ее иконой Феодоровской – Она исцелит тебя". В первый только раз я услышала о такой иконе; доселе я вовсе и не знала, что есть такая икона. Хотела я спросить старушку, где мне найти Феодоровскую? Но ребенок в колыбели заплакал и я проснулась, не успев спросить ее об этом.

После этого видения я дала твердое обещание поклониться Феодоровской иконе Божией Матери, лишь только будет мне полегче. Теперь главное дело было мне узнать, где эта икона. Спрашивала я свою хозяйку, не знает ли она чего-нибудь о Феодоровской иконе. Хозяйка моя была с одной со мною стороны и тоже ничего не знала об этой иконе. Раз я увиделась с одной старушкой, живущей через улицу против нашего дома, и спросила ее, не знает ли она, где Феодоровская икона Божией Матери. – "О, матушка! – отвечала мне соседка, – икона эта далеко, она в Костроме, отселе верст восемьсот будет, если не более, тебе не дойти до нее. Это – икона явленная и чудотворная; многим дается от нее помощь и заступление Царицы Небесной". Хоть и далеко была от Питера Феодоровская икона Божией Матери, я все же не переменяла своего обещания. "Как бы далеко ни было до Костромы, – думала я, – а схожу я непременно поклониться Феодоровской иконе Божией Матери, только бы Она помогла мне в

моей болезни". Лишь только я дала обещание поклониться Феодоровской иконе Царицы Небесной, как почувствовала облегчение в ногах, стала я привставать и даже с палочкой переступать, а в короткое время твердо стала ходить и наконец совсем выздоровела. Другие, зная мою тяжелую и продолжительную болезнь и теперь видя меня здоровой, спрашивали: как это я выздоровела? С глубокой благодарностью к Царице Небесной я рассказывала им о явлении мне во сне старушки.

Через год после болезни я пошла в Соловецкий монастырь и, слава Богу, ноги мои не болели, – и вот я надумала исполнить свое святое обещанье – сходить в Кострому и поклониться чудотворной иконе Божией Матери. Подплывая на пароходе к Костроме и увидя соборную гору и самые соборные церкви, я узнала в них ту гору, и те церкви, и те кресты на них, которые я больная видела во сне. Поспешила я в собор и пала пред чудотворным образом Божией Матери, и теперь хожу в собор каждый день, за каждую службу. Досыта не могу я намолиться Заступнице усердной, Премилосердной Царице Небесной, исцелившей меня от тяжкой болезни» [117].

Далее Феоктистова сообщала, что прожила в Костроме (к моменту записи рассказа) три дня и остановилась у одной из монахинь женского Богоявленского монастыря. Повествование завершалось фразой (не вполне понятно – принадлежавшей Феоктистовой или являвшейся редакционным комментарием к ее истории):

«Очень жаль, что немногие получившие благодатную помощь от Царицы Небесной пред иконой Ее Феодоровской, заявляют об этом кому следует» [118].

14 мая 1898 года, в праздник Вознесения Господня и в день празднования годовщины коронации императора Николая II и императрицы Александры Феодоровны, состоялся последний в XIX столетии визит в Кострому высокого гостя из Дома Романовых: город посетил проплывавший на пароходе из Ярославля в Нижний Новгород великий князь Сергей Александрович, брат императора Александра III. Интересным свидетельством об этом визите является хранящаяся в фондах Костромского музея-заповедника акварель художника А.Н. Бенуа (1852–1936) «Кострома, 14 мая 1898 года». На ней мы видим множество костромичей, встречающих великого князя у волжской пристани, а на заднем плане изображен соборный ансамбль Костромского кремля.

Великий князь Сергей Александрович прибыл в Кострому уже после окончания праздничной литургии, которую в Богоявленском кафедральном соборе совершил епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев). По обычаю визит начался с посещения Костромского кремля, однако здесь имелось затруднение: чудотворная Феодоровская икона Богоматери в это время пребывала в Галиче, согласно порядку ее ежегодного принесения в Галич и Буй. Владыка Виссарион отметил это обстоятельство в своей речи при встрече великого князя на паперти кафедрального собора (далее приводим текст речи из хроники, опубликованной в «Костромских епархиальных ведомостях» 1898 года):

«Благоверный государь, великий князь! Главная святыня сего храма и всей Костромской области есть чудотворная Феодоровская икона Богоматери. Эта святыня имеет близкое отношение к истории царствующего Дома Романовых. Пред ней благоговейно

преклонялся родоначальник этого Дома Михаил Феодорович Романов в то время, когда умолен был в Троицком соборе Ипатьевского монастыря московским посольством принять царскую власть. Пред сей же иконой мать его инокиня Марфа благословила его на царство и предала его в покровительство Богоматери. Это событие произошло в 1613 году 14 марта. С тех пор празднование чудотворной Феодоровской иконе Богоматери перенесено с 16 августа, дня чудесного явления ее в Костроме, на 14 марта в свидетельство верноподданнической преданности и любви русского народа к царскому Дому. Для самого царствующего Дома Феодоровская икона Богоматери издревле составляла предмет особенного благоговейного чествования. В придворной московской церкви Рождества Богородицы к числу главных святынь принадлежит копия этой иконы. Со времени воцарения Михаила Феодоровича ежегодно в 14 день марта совершаемо было в сей церкви празднество в честь Феодоровской иконы в присутствии царей не менее торжественно, как и в праздник Благовещения. С каким великим благоговением эта святыня чтится в богоспасаемом граде Костроме, можно судить по тому, что она почти ежедневно принимается усердствующими гражданами для освящения своих жилищ, куда она сопровождается с колокольным звоном при соборном храме. Сверх того, она ежегодно отпускается на тридцать дней во второй кафедральный город Галич (где и сейчас пребывает) и привлекает не только в сем городе, но и на пути к нему бесчисленное множество богомольцев.

Вниди, благоверный великий князь, в сей соборный храм – постоянное место пребывания Феодоровской иконы Богоматери – и вознеси вкупе с нами усердные молитвы к Царю царствующих о благополучном царствовании благочестивейшего государя императора Николая Александровича, священное венчание которого и помазание на царство сегодня празднуется. Равно и тебе самому молитвами Богоматери да дарует Господь обилие Своих благословений для плодотворного прохождения многотрудного служения царю и отечеству» [119].

Далее епископ Виссарион совершил в соборе молебен, за которым молился великий князь, и по окончании богослужения поднес высокому гостю просфору и икону – список с Феодоровского образа Пресвятой Богородицы. После Костромского кремля великий князь Сергей Александрович посетил Богоявленско-Анастасиин женский монастырь, Александровскую часовню на Сусанинской площади, Ипатьевскую обитель и около 6 часов вечера того же дня отбыл на пароходе в Нижний Новгород.

В конце XIX века в России стал распространяться примечательный обычай – совершать в храмах в новогоднюю ночь, с 31 декабря на 1 января, традиционный новогодний молебен (обычно такой молебен служился 1 января после праздничной литургии; напомним, что до перехода России на новый стиль 1 января приходилось на святки, в этот день отмечались великий праздник Обрезания Господня и память святителя Василия Великого). Такая традиция – встречать Новый год в 12 часов ночи церковной молитвой в храме – полюбилась и жителям Костромы. В ночь на 1 января 1901 года, с началом нового XX века, новогодний молебен служился в Богоявленском кафедральном соборе пред ликом чудотворной Феодоровской иконы Богоматери. «Костромские епархиальные ведомости» сообщали:

«В полночь под 1 января совершено в соборе местным духовенством молебствие, положенное на Новый год. Собор был переполнен народом»[120].

Так Костромской кремль и его главная святыня вступили в XX столетие, ставшее временем суровых испытаний и скорбей для Православной Церкви и отечества. Но Промысл Божий сохранил чудотворную Феодоровскую икону Богородицы в церковных стенах до наших дней, а ныне воссоздается и место ее пребывания на протяжении веков – Костромской кремль, разрушенный в 1934 году.

Хронология событий – XIX век

1804 год – соборным протоиереем Успенского собора Костромского кремля становится отец Иаков Арсеньев.

1805 год – для чудотворной Феодоровской иконы изготавливается драгоценная золотая риза.

1810 год – в тюрьме города Костромы освящается домовая церковь в честь чудотворной Феодоровской иконы Богородицы.

27 августа 1812 года – епископ Костромской и Галичский Сергей (Крылов-Платонов) вручает несколько списков с чудотворного Феодоровского образа Пресвятой Богородицы отправляющемуся на войну костромскому ополчению «в благословение на ратный подвиг».

1814 год – с валов Костромского кремля убираются старинные пушки.

1816 год – знамена костромского ополчения устанавливаются в Успенском соборе кремля для постоянного хранения.

19 августа 1817 года – Успенский собор Костромы посещает великий князь Михаил Павлович, младший брат императора Александра I.

1817–1818 годы – старинные земляные валы Костромского кремля полностью срываются.

1820 год – в Санкт-Петербурге выходит из печати книга «Описание костромского Успенского собора, составленное в конце 1819 года протоиереем Яковом Арсеньевым».

22 августа 1826 года – протоиерей Успенского собора Иаков Арсеньев присутствует на коронации императора Николая I.

1829 год – в Москве выходит из печати книга «Описание костромского Успенского собора, составленное в 1829 году протоиереем одного собора и кавалером Иаковом Арсеньевым».

8 октября 1834 года – Успенский собор Костромы посещает император Николай I.

11 декабря 1834 года – в ризницу Ипатьевского монастыря поступают царские реликвии из московской Оружейной палаты.

1834–1835 годы – перестраивается придел во имя святого великомученика Феодора Стратилата при Успенском соборе.

1835 год – Успенский собор Костромы становится кафедральным храмом Костромской епархии.

1835 год – составляется проект всесторонней реставрации и перестройки Ипатьевского монастыря (автор – архитектор К.А. Тон).

13 мая 1837 года – Успенский кафедральный собор посещает наследник цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II).

1837 год – в Москве выходит из печати книга «Описание костромского Успенского собора, учрежденного по высочайшему повелению в 1835 году кафедральным, составленное в 1829 году протоиереем одного собора и кавалером Иаковом Арсеньевым, а ныне вновь исправленное».

16 апреля 1838 года – высочайше утверждается проект памятника царю Михаилу Феодоровичу и Ивану Сусанину на Сусанинской площади Костромы.

25 июня 1840 года – в Ипатьевском монастыре происходит закладка храма во имя святых мучеников Хрисанфа и Дарии.

2 августа 1843 года – на Сусанинской площади Костромы закладывается основание для памятника царю Михаилу Феодоровичу и Ивану Сусанину.

6 сентября 1847 года – пожаром уничтожается Богоявленский мужской монастырь города Костромы; Костромская духовная семинария вследствие этого перемещается в соборные дома кремля.

29 июня 1848 года – кончина протоиерея Иакова Арсеньева.

8 августа 1850 года – Успенский кафедральный собор посещают сыновья императора Николая I, великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич.

14 марта 1851 года – в день празднования чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери на Сусанинской площади Костромы происходит открытие памятника царю Михаилу Феодоровичу и Ивану Сусанину.

12 июля 1855 года – на Сусанинской площади Костромы епископ Костромской и Галичский Филофей (Успенский) вручает костромскому ополчению, отправляющемуся на Крымскую войну, освященные знамена, список с чудотворной Феодоровской иконы Богородицы и малые финифтевые Феодоровские иконы Пресвятой Богородицы (по числу ратников ополчения).

1855 год – в Успенском кафедральном соборе проводится реставрация стенной росписи.

1855 год – ключарем Успенского кафедрального собора становится священник (впоследствии протоиерей) Павел Островский.

1855 год – в Москве выходит из печати книга «Историческое описание костромского Успенского кафедрального собора, составленное того собора священником П. Островским».

Осень 1856 года – в Успенском кафедральном соборе завершаются ремонтные работы.

1856 год – в Успенском кафедральном соборе ставятся на хранение знамена костромского ополчения 1855 года.

30 марта 1857 года – на Костромскую кафедру вступает епископ (впоследствии архиепископ) Платон (Фивейский).

13 июля 1857 года – епископ Костромской и Галичский Платон совершает освящение Успенского кафедрального собора (после ремонтных работ).

15 августа 1858 года – в праздник Успения Пресвятой Богородицы Успенский кафедральный собор посещает император Александр II с семейством.

17 августа 1858 года – император Александр II и царская семья присутствуют на Божественной литургии в Успенском кафедральном соборе.

12 мая 1860 года – в Ипатьевском монастыре совершается закладка нового храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

1860 год – император повелевает провести реставрацию дворца царя Михаила Феодоровича (палат бояр Романовых) в Ипатьевском монастыре.

13 января 1861 года – издается указ Святейшего Синода о ежегодном перенесении чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери из Костромы в Галич.

17 мая 1861 года – в праздник Преполовления Пятидесятницы Феодоровская икона впервые отбывает в Галич из Успенского кафедрального собора.

29 июня 1863 года – Успенский кафедральный собор посещает наследник цесаревич Николай Александрович.

30 сентября 1863 года – епископ Костромской и Галичский Платон совершает освящение отреставрированного дворца царя Михаила Феодоровича в Ипатьевском монастыре.

1863 год – попечением ключаря Успенского собора протоиерея Павла Островского печатается цветное (хромолитографическое) изображение Феодоровского образа Пресвятой Богородицы.

7 января 1864 года – в бывшем Богоявленском мужском монастыре Костромы, при принесенной в Смоленскую церковь обители чудотворной Феодоровской иконе Богоматери, совершается торжество введения насельниц Крестовоздвиженского Анастасииного женского монастыря Костромы во владение Богоявленской обителью, разрушенной пожаром 1847 года.

12 мая 1864 года – епископ Платон совершает закладку нового здания при Богоявленском соборе в Богоявленско-Анастасиином женском монастыре Костромы.

1864 год – в Костроме выходит из печати книга протоиерея Павла Островского «Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых».

1865–1866 годы – разрабатывается и утверждается проект пристройки к Богоявленскому кафедральному собору Костромского кремля двух обширных приделов.

14–15 августа 1866 года – Кострому посещают наследник цесаревич Александр Александрович (будущий император Александр III) и великий князь Владимир Александрович.

4 сентября 1866 года – епископ Костромской и Галичский Платон совершает закладку приделов к Богоявленскому кафедральному собору.

15 мая 1868 года – Кострому посещает великий князь Алексей Александрович.

10 ноября 1868 года – архиепископ Костромской и Галичский Платон совершает освящение правого (южного) придела Богоявленского кафедрального собора, в честь Феодоровской иконы Божией Матери и во имя святого благоверного великого князя Александра Невского и преподобного Иосифа Песнописца.

1868 год – Костромская духовная семинария переезжает из соборных домов Костромского кремля в приобретенное для духовной школы здание на улице Верхней Набережной в Костроме.

1871–1873 годы – внутреннее пространство перестроенного Богоявленского кафедрального собора покрывается искусственным мрамором.

3 марта 1873 года – архиепископ Платон совершает освящение левого (северного) придела Богоявленского кафедрального собора, в честь Боголюбской иконы Божией Матери и во имя святого мученика Платона.

1 апреля 1876 года – кончина протоиерея Павла Островского.

12 мая 1877 года – кончина архиепископа Костромского и Галичского Платона (Фивейского).

23 сентября 1878 года – епископ Костромской и Галичский Игнатий (Рождественский) совершает освящение храма во имя преподобного Сергия Радонежского в усыпальнице под Богоявленским кафедральным собором.

22 июля 1881 года – Успенский кафедральный собор посещают император Александр III и члены царской семьи, в том числе наследник цесаревич Николай Александрович – будущий император Николай II.

1884 год – в Богоявленском кафедральном соборе разобран свод, отделявший купол собора от основного пространства храма.

1884 год – церковной цензурой, а затем и Святейшим Синодом одобряется акафист в честь чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери.

15 марта 1888 года – костромское Александровское православное братство впервые совершает празднование в память о воцарении Михаила Феодоровича Романова (ставшее затем ежегодным) в Иоанно-Богословской церкви близ Ипатьевского монастыря, с принесением на богослужение чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери.

31 мая и 2 июня 1888 года – Успенский кафедральный собор посещает сербский иерарх митрополит Михаил (Йованович).

7 марта 1889 года – Святейший Синод принимает определение (высочайше утвержденное 21 марта) о ежегодном изнесении чудотворной Феодоровской иконы Богоматери в Галич на пять дней ранее прежде установленного срока – в пятницу недели о мироносицах.

22 июля 1891 года – Успенский кафедральный собор посещает обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев.

25 ноября 1891 года – при костромском кафедральном соборе начинает действовать православное Феодоровско-Сергиевское братство.

1891 год – переделывается золотая риза для чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери.

1891 год женская община в Ратьково близ города Солигалича Костромской губернии преобразуется в Богородице-Феодоровский женский монастырь.

9 января 1895 года – Костромское духовное училище перемещается из соборного дома Костромского кремля в новое здание на Павловской улице в Костроме.

18 апреля 1897 года – епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев) совершает освящение церкви в честь Феодоровской иконы Божией Матери, построенной на Новом кладбище Костромы.

19 июля 1897 года – в Успенском кафедральном соборе Костромского кремля совершает Божественную литургию святой праведный протоиерей Иоанн Кронштадтский.

14 мая 1898 года – в праздник Вознесения Господня Богоявленский кафедральный собор посещает великий князь Сергей Александрович.

Примечания

1. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии: Справочная книга. Кострома, 1911. С.2.
2. Островский П.Ф., протоиерей. Историческое описание костромского Успенского кафедрального собора, составленное того собора священником П. Островским. М., 1855. С. 70–71.
3. Арсеньев И.А., протоиерей. Описание костромского Успенского собора, составленное в конце 1819 года протоиереем Яковом Арсеньевым. СПб., 1820; Он же. Описание костромского Успенского собора, составленное в 1829 году протоиереем того собора и кавалером Иаковом Арсеньевым. М., 1829; Он же. Описание костромского Успенского собора, учрежденного по высочайшему повелению в 1835 году кафедральным, составленное в 1829 году протоиереем того собора и кавалером Иаковом Арсеньевым, а ныне вновь исправленное. М., 1837.
4. Островский П.Ф., протоиерей. Историческое описание... С. 56.
5. Баженов И.В. Патриотическая страничка из жизни костромских семинаристов // Баженов И.В. Статьи 1887–1916 годов. Кострома, 2019. С. 334 [первая публикация – Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 12. Отдел неофициальный. С. 331–336].
6. Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых. Кострома, 1864. С. 137. См. также: Кандорский Иоанн, священник. Икона Феодоровская Богоматери в копии 1812 года. (Из записок священника) // Костромские епархиальные ведомости. 1885. Отдел II, часть неофициальная. № 16. С. 485–487.
7. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства // сост., вступ. ст. и прим. Н.А. Зонтикова. Кострома, 1993. С. 325.
8. Островский П.Ф., протоиерей. Историческое описание... С. 83.
9. Баженов И.В. Костромской кремль: Историко-археологический очерк // Костромской кремль: Сборник материалов / сост. Семенова А.В. Кострома, 2018. С. 36–37 [первая публикация

- Баженов И. Костромской кремль: Историко-археологический очерк // Костромская старина: Издание Костромской ученой архивной комиссии. Выпуск шестой. Кострома, 1905. С. 90–116].
10. Андроников Н.О. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии. Кострома, 1874. С. 43–44.
  11. Вознесенский Е.П., священник. Воспоминания о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии в XVII, XVIII и текущем столетиях. Кострома, 1859. С. 44–45.
  12. Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме... С. 142.
  13. Вознесенский Е.П., священник. Воспоминания о путешествиях... С. 57–58.
  14. Там же. С. 64.
  15. Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме... С. 145–147.
  16. Краткие статистические сведения о приходских церквях... С. 1.
  17. Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме... С. 94–95.
  18. Там же. С. 147.
  19. Там же.
  20. Там же. С. 148.
  21. Вознесенский Е.П., священник. Воспоминания о путешествиях... С. 85–86. В последней фразе автор имеет в виду императора Николая I, ко времени издания книги уже скончавшегося.
  22. Вознесенский Е.П., священник. Воспоминания о путешествиях... С. 91.
  23. Виноградова С.Г. Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь. [Кострома,] 2013. С. 80.
  24. Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме... С. 152.
  25. Зонтиков Н.А. Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997. С. 125.
  26. Новиков А.В. Борьба с коррупцией в системе губернского управления в первой половине XIX века (на материалах Костромской губернии) // II Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 года / сост. и научн. ред. А.М. Белов, А.В. Новиков. Кострома, 2009. С. 41–42.
  27. Там же. С. 42.
  28. Андроников Н.О. Исторические записки о Костромской духовной семинарии... С. 47.
  29. Зонтиков Н.А. Костромская духовная семинария: вехи истории // Костромская духовная семинария: Историческая энциклопедия. Кострома, 2019. С. 37–38.
  30. Вознесенский Е.П., священник. Воспоминания о путешествиях... С. 108.
  31. Там же. С. 78–80.
  32. Там же. С. 80.
  33. Сырцов И.Я., протоиерей. Стенная живопись в костромском Успенском кафедральном соборе. Кострома, 1908. С. 13.
  34. Голубцов А.П. Автор древней повести о Феодоровской иконе Божией Матери: [Реферат, читанный на историко-археологическом съезде в Костроме в 1909 году] // Богословский вестник. 1911. Том 3. № 10. С. 364 (2-я пагин.).
  35. Островский П.Ф., протоиерей. Историческое описание... С. 142–143. Автор имеет в виду ежегодные поездки костромских купцов на ярмарки в Нижний Новгород и Моршанск.
  36. Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме... С. 176.
  37. Там же. С. 188–189.
  38. Андроников П.И. Император Александр II в Костромской стороне. Кострома, 1859. С. 13–14.
  39. Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме... С. 189.
  40. Там же. С. 192.
  41. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 170. Д. 1418. Л. 2 об. – 3.
  42. Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме... С. 192–193.

43. Там же. С. 194.
44. Там же. С. 195.
45. Там же. С. 193.
46. Там же. С. 191.
47. Там же. С. 203–204.
48. Виноградова С.Г. Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь. [Кострома,] 2013. С. 83.
49. Там же. С. 85–86.
50. Баженов И.В. Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь: Исторический очерк. Кострома, 1895. С. 110.
51. Там же.
52. Там же. С. 118–119.
53. Поспелов И.Г., протоиерей. Теплый Богоявленский собор при костромском кафедральном Успенском соборе // Костромской кремль: Сборник материалов / сост. Семенова А.В. Кострома, 2018. С. 204. [первая публикация – Костромские епархиальные ведомости. 1885. Отдел II, часть неофициальная. № 2. С. 25–31; № 3. С. 45–53; № 4. С. 73–83].
54. Там же. С. 205.
55. Там же. С. 206–207.
56. Зонтиков Н.А. Костромская духовная семинария... С. 37.
57. Андроников Н.О. Исторические записки о Костромской духовной семинарии... С. 48.
58. Поспелов И.Г., протоиерей. Теплый Богоявленский собор... С.212.
59. Там же. С. 213–214.
60. Там же. С. 214.
61. Там же. С. 210.
62. Там же.
63. Александр III в Костроме // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. 1993. № 1. С.39.
64. Разные известия // Костромские епархиальные ведомости. 1887. № 7. Отдел II, часть неофициальная. С. 217–218.
65. Поспелов И.Г., протоиерей. Теплый Богоявленский собор... С.216.
66. Известия и заметки // Костромские епархиальные ведомости. 1885. Отдел II, часть неофициальная. № 19. С. 601–602.
67. Слободской Л. Праздник в костромском Александровском братстве // Костромские епархиальные ведомости. 1892. № 8. Отдел II, часть неофициальная. С.211.
68. От совета костромского Феодоровско-Сергиевского братства // Костромские епархиальные ведомости. 1891. № 1. Отдел I, часть официальная. С. 32.
69. Устав состоящего под августейшим покровительством Его императорского высочества великого князя Сергея Александровича православного костромского Феодоровско-Сергиевского братства при костромском кафедральном соборе // Костромские епархиальные ведомости. 1891. № 1. Отдел I, часть официальная. С. 32–33.
70. Краткие статистические сведения о приходских церквях... С. 2–3.
71. Островский П.Ф., протоиерей. Историческое описание... С.107–108.
72. Зонтиков Н.А. Костромская духовная семинария... С. 36.
73. Епархиальная хроника // Костромские епархиальные ведомости. 1897. № 8–9. Отдел II, часть неофициальная. С. 193.
74. Епархиальная хроника // Костромские епархиальные ведомости. 1897. № 15. Отдел II, часть неофициальная. С. 403–404.
75. Сырцов И.Я., протоиерей. Костромской Успенский кафедральный собор // Костромской кремль: Сборник материалов / сост. Семенова А.В. Кострома, 2018. С. 132 [первая публикация – Костромские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Отдел неофициальный. С. 501–520; №

21. Отдел неофициальный. С. 552–561; № 22. Отдел неофициальный. С. 581–592; № 23. Отдел неофициальный. С. 606–614].
76. Попов А.В. Православные русские акафисты, изданные с благословения Святейшего Синода. История их происхождения и цензуры, особенности содержания и построения: Церковно-литературное исследование. Казань, 1903. С. 343–344.
77. Там же. С. 344. Название акафиста приводится точно по тексту.
78. Там же.
79. Там же. С. 345–346.
80. Там же. С. 346.
81. Там же.
82. Там же.
83. Сырцов И.Я., протоиерей. Сказание о Феодоровской чудотворной иконе Божией Матери, что в городе Костроме. Кострома, 1908. С. 20–21.
84. РГИА. Ф. 796. Оп. 170. Д. 1418. Л. 1 об. – 2 об.
85. Там же. Л. 3 об.
86. Там же. Л. 4 об.
87. Там же. Л. 5.
88. Там же. Л. 3.
89. РГИА. Ф. 796. Оп. 184. Д. 2836. Л. 1.
90. Расписание шествия с чудотворной Феодоровской иконой Богоматери в город Галич, пребывания ее в городе Галиче и обратного шествия чрез город Буй в город Кострому в 1900 году // Костромские епархиальные ведомости. 1900. № 9. Отдел I, часть официальная. С. 139–142.
91. Краткие статистические сведения о приходских церквях... С. 5.
92. Там же.
93. Известия // Костромские епархиальные ведомости. 1885. Отдел II, часть неофициальная. № 2. С. 42–43.
94. Краткие статистические сведения о приходских церквях... С. 5.
95. РГИА. Ф. 796. Оп. 184. Д. 2836. Л. 2 – 2 об.
96. Островский П.Ф., протоиерей. Историческое описание... С. 140–141.
97. Там же. С. 140.
98. Козловский А.Д. Взгляд на историю Костромы, составленный трудами князя Александра Козловского. М., 1840. С. 104.
99. Островский П.Ф., протоиерей. Историческое описание... С. 141.
100. Л–в И.В. Крестные ходы в Костроме, совершаемые в девятую, десятую и одиннадцатую неделю по Пасхе // Костромские епархиальные ведомости. 1885. Отдел II, часть неофициальная. № 13. С. 402–403. Следует учитывать, что (в отличие от счисления, применяемого автором) в современном православном календаре указанные недели – 10-я, 11-я и 12-я по Пасхе.
101. Второй крестный ход в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости. 1885. Отдел II, часть неофициальная. № 14. С. 436.
102. И.В.Л. Третий крестный ход в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости. 1885. Отдел II, часть неофициальная. № 15. С. 458–460.
103. Лебедев Д.И. [протоиерей]. История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богоматери, краткой историей и топографией древнего города. Кострома, 2010. С. 159–161.
104. Островский П.Ф., протоиерей. Историческое описание... С. 32.
105. Там же. С. 140.
106. Там же. С. 139–140.

107. Там же. С. 141.
108. Там же. С. 141–142.
109. Сырцов И.Я., протоиерей. Сказание о Феодоровской чудотворной иконе... С. 19–20.
110. Там же. С. 47.
111. Островский П.Ф., протоиерей. Историческое описание... С. 143.
112. Известия и заметки // Костромские епархиальные ведомости. 1885. Отдел II, часть неофициальная. № 9. С. 260–261.
113. Освящение нового здания Спасо-Никольской церковно-приходской школы, что за рекой Волгой // Костромские епархиальные ведомости. 1896. № 19. Отдел II, часть неофициальная. С. 495–497.
114. Освящение народной читальни имени А.Н. Островского в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости. 1896. № 19. Отдел II, часть неофициальная. С. 497–499.
115. Епархиальная хроника // Костромские епархиальные ведомости. 1896. № 20. Отдел II, часть неофициальная. С. 534.
116. Сырцов И.Я., протоиерей. Сказание о Феодоровской чудотворной иконе... С. 45.
117. Чудесное исцеление крестьянки Феоктистовой от Феодоровской иконы Божией Матери. (Из соборной записи) // Костромские епархиальные ведомости. 1885. Отдел II, часть неофициальная. № 1. С. 32–34.
118. Там же. С. 34.
119. Епархиальная хроника // Костромские епархиальные ведомости. 1898. № 11. Отдел II, часть неофициальная. С. 354–355.
120. Епархиальная хроника // Костромские епархиальные ведомости. 1901. № 2. Отдел II, часть неофициальная. С. 58.